

Гай Юлий Орловский

Фич@рд

Длинные Руки —
ландесфюрст

Гай Юлий Орловский
Ричард Длинные
Руки – ландесфюрст
Серия «Ричард Длинные
Руки», книга 31

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2465195

Ричард Длинные Руки – ландесфюрст: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-52761-8

Аннотация

Можно ли быть большим роялистом, чем король, и большим папистом, чем папа? Верный паладин Господа Ричард, истребляющий колдунов, магов и чародеев, ощутил себя настолько окрепшим, что готов отстаивать свои взгляды и против всемогущего Ватикана!

Ибо теперь, кроме убеждений, у него есть и меч. И королевская корона уже в руках.

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	38
Глава 5	53
Глава 6	65
Глава 7	79
Глава 8	91
Глава 9	102
Глава 10	113
Глава 11	125
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Гай Юлий Орловский
Ричард Длинные
Руки – ландесфюрст

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
ландесфюрст

*Мораль есть религия, перешедшая в нравы.
Генрих Гейне*

Часть первая

Глава 1

Зеленая завеса тяжело колыхнулась и ушла в сторону. На мгновение открылся широкий проем в таинственную и ароматно пахнущую цветами темную пещеру из плотно подогнанных веток.

У меня сердце дрогнуло и сжалось от нежности и жалости, золотоволосая Гелионтэль, трепетная и тонкая, как гибкая лоза, вышла тяжело, откинувшись корпусом назад, уравновешивая тяжелый живот. Ноги чуть согнуты в коленях, и ставит она их очень широко, голова откинута, даже плечи отведены назад, как же моей малышке трудно двигаться...

Я торопливо покинул седло, Гелионтэль подошла к Зайчику и погладила по длинной переносице в том месте, где был рог. Бобик подбежал и подставил ей спинку, она почесала и это нахальное чудовище; я шагнул к своей прекрасной и нежной эльфийке, бережно обнял, стараясь не касаться огромного живота.

Она прошептала тихо:

— Мой господин...

— Мое солнышко, — ответил я и поцеловал в щеку, хотя намеревался впиться в сочные сладкие губы, но она стеснялась

и прятала лицо у меня же на груди. — Сокровище ты мое!

— Астральмэль, — произнесла она совсем тихо, — ты зайдешь?

— Для того и мчался сюда, — заверил я. — Летел аки сокол сизоносый. Позволь, мой птенчик, отведу тебя...

Ее прекрасные глаза наполнились слезами.

— Я теперь такой толстый птенчик... А вдруг так и останусь?

— Будешь еще краше, — заверил я. — Худенькая, стройная, только вот тут у тебя увеличится... Надо же будет кормить то маленькое чудовище, что появится на свет!

Она прошептала в ужасе:

— Это будет чудовище?

— Это какое, — заверил я. — Ты в него влюбишься сразу!

Полог опустился за нами, отсекая любопытные взгляды, я провел Гелионтель внутрь ее зеленой пещеры, бережно уложил на ложе из лебяжьего пуха и лег рядом, осторожно прикасаясь ухом к огромному вздутому животу.

В какой-то момент меня так лягнуло изнутри, что я отпрянул.

— Ого! Это прямо жеребенок!

Она в испуге взглянула на меня, в чистых глазах снова заблестели слезы.

— Правда? У меня будет жеребенок?

— Ну что ты, — сказал я, — с чего вдруг?... Ты же не кобылка. И вообще... ты чего ревешь?

Она сказала с плачем:

– Не знаю. Теперь чуть что, сразу реву... Я такая и останусь?

– Уже скоро все пройдет, – заверил я, – снова станешь веселым и щебечущим эльфом, а ребенок будет просто чудесный, вот увидишь. Ты будешь счастлива.

Она всхлипнула, проговорила жалобным голосом:

– Я уже счастлива, правда. Но все равно реву.

– Это не ты реवेशь, – объяснил я, – это организм ревет. Тело твое. Все скоро кончится, дорогая. Расслабься, теперь это дело времени...

Потом я лежал, раскинувшись на роскошном ложе, отдавался отдыху, а она встала и принялась готовить обед. Я повернулся на бок и с нежностью наблюдал, как она передвигается по огромной зеленой пещере медленно и тяжело, движения осторожные, все время прислушиваясь к тому, что странное и таинственное происходит у нее внутри.

Я старался унять сердце, что захлебывается от нежности и жалости, – всегда резвая и стремительная, потому и пошла в разведчики, а сейчас вот только так: огромный живот вперед, полусогнутые ноги широко расставлены, двигается так, словно несет в себе огромный чан с водой...

Что же я с нею сделал, превратив прыгучего козленка в тяжелую черепаху, бедняжка, потерпи еще чуть...

На ее пальцах поблескивают драгоценные кольца, что я в

прошлый раз привез и подарил, на отдельном столике красиво свернут в кольцо тонкий женский пояс из непонятного гибкого металла голубого цвета. В полутьме ярко-оранжевая пряжка светится собственным огнем, я даже рассмотрел переливы пламени.

– Скоро снова наденешь этот пояс Аналлиэль! – заверил я. – Он в самом деле принадлежал этой, как ее, королеве Начала?

– Да, супруг мой, – ответила она, голос ее, несмотря на хрипотцу, звучит все еще чисто и музыкально. – Это бесценный подарок!

– Дык жене же, – возразил я. – Не кому-нибудь там на стороне, как у других. Я хороший и нравственный, вот лежу и люблюсь собой. Тобой тоже, кстати.

– Ой, как ты хорошо говоришь...

– Я такой, – согласился я. – Говорю хорошо, сам красавец и вообще чудо. У тебя и должен быть муж самый лучший!

– И ребенок у меня будет замечательный...

Я нежно поцеловал ее.

– Тоже самый лучший!.. Эх, век бы лежал вот так...

– Так лежи...

Я вздохнул и рывком поднялся с ложа.

– А труба, что зовет?

Снаружи Зайчик стоит на задних ногах, упершись передними в ствол дерева, и дотягивается пастью до веток, Бобик носится наперегонки с эльфийскими детьми, что, как уже

знаю, остаются в этом возрасте пару сотен лет.

Едва я вышел из домика Гелионтэль, ко мне торопливо приблизился один из эльфов, учтиво поклонился, глаза горят любопытством.

– Сэр... вас ждет божественная Синтифаэль.

Мне показалось, что он не определился, как ко мне обращаться, то ли «конт Астральмэль», то ли уже «сэр Ричард».

– Бегу, – ответил я, – мог бы и сразу позвать! По зову королевы я готов вскочить в любой момент! Ну, почти в любой.

Он покосился с понятным выражением на лице, но промолчал. Сказочный дворец королевы эльфов, как мне почудилось, стал еще выше, прекраснее, или же это после одинаковых мрачных замков, где главное – мощь, а не изящество, но сердце сладко заныло от дивной красоты, половину оттенков которой даже не могу ощутить, дивность ускользает от грубых человеческих очучений, только чувствую, что здесь еще прекраснее, чем вижу, и тупо внимаю с раскрытым хлебалом...

Звучит настолько возвышенная музыка, что сердце застучало радостнее, я ощутил ликующий подъем, в зале прохаживаются по двое-трое эльфы и эльфийки, иные собрались в группы и нечто обсуждают важно, красавцы, а огромный зал как будто сам ведет меня по красной ковровой дорожке на ту сторону, там три ступеньки на помост, покрытый золотым ковром, а на нем величественный трон, просто громадный. Наверное, чтобы подчеркнуть хрупкость и нежность короле-

вы эльфов божественной Синтифаэль, рожденной из солнца и света...

Я шел к ней деревянными шагами, чувствуя себя гориллой в Версале, весь неуклюжий, но некоторые эльфы мне кланяются, что удивило, другие смотрят с презрительным недоумением...

Спинка трона мерцает таинственно звездами, ярче горит только корона на золотых волосах Синтифаэль. На этот раз она в красном платье, оно тоже скреплено на плечах крупными изумрудами, и я точно так же, как в первый раз, невольно уставился на них, подумав, что если расцепятся, то платье соскользнет...

Удлиненные и чуточку приподнятые к вискам зеленые глаза стали строже, словно видит мои простенькие мысли, очень человеческие, даже проще – мужские.

– Сэр Ричард, – произнесла она холодно, – признаться, мы не ожидали вас видеть в наших землях... снова.

Я преклонил колено, – как же это нетрудно делать перед красивой женщиной, – вскинул голову и сказал преданнейшим голосом:

– Но я ведь Астральмэль, Ваше Величество!

На ее красиво изогнутых губах проступила холодная улыбка.

– Уже нет, сэр Ричард. Насколько я знаю, милая Гелионтэль ходит сейчас очень тяжело.

– Да, Ваша Величество, – сказал я, – а я, как друг и амен-

гер ее мужа, обязан быть рядом и помогать...

Она величественно отмела красивым, поистине царственным жестом мои слова в сторону.

– О ней позаботимся мы сами. Счастливой дороги, сэр Ричард!

Я поднялся, учтиво поклонился.

– Ваше Величество, но любые договоры... будь это политические, экономические, гелиоцентрические или трансконтинентальные, нуждаются, как бы сказать покрасивше, в подбрасывании в огонь дровишек. Хотя иногда. Потому я хочу надеяться, что Ваше Величество оставит за мной право появляться здесь хотя бы для того, чтобы демонстрировать вечную и нерушимую дружбу двух великих народов с богатой историей и великими культурными традициями... э-э-э... о чем это я... ах да, народов людей и эльфов!

Она слегка поморщилась, чуть наклонила голову.

– Это право за вами остается, сэр Ричард. Тем более наши подданные смогут высказать вам напрямую свои претензии по поводу утеснений людьми.

Я сказал пылко:

– Никаких утеснений! Я им сам лапы поотбиваю!

Эльфы переговаривались, кто-то поглядывал с некоторой симпатией; королева произнесла тем же ровным голосом:

– Рада это слышать, сэр Ричард.

Я поклонился и отступил.

– Мы оба занятые люди, Ваше Величество. Но все же нам

надо чаще встречаться для поддержания процветания и мира между великими миролюбивыми народами и расами в духе взаимопонимания, ну и всего, что из этого вытекает, вплоть до остаться друзьями и совместно заботиться о том, что из додружбы вытекло, то бишь наших общих интересах.

Она промолчала, стараясь понять, что я нагородил, а я еще раз красиво поклонился – трудно, что ли? – и пошел обратно, топая, как слон среди балерин, и тем самым утверждая свою человечность.

Возвращаясь из Эльфийского Леса, я раздумывал о гномах: от этих подземных умельцев можно поиметь намного больше, чем от прекрасномордых эльфов, нужно только определиться с задачами, а то у меня в котелке только манящие перспективы и прочая маниловщина.

А законы насчет равноправия мало издать, нужно обеспечить их выполнение. Иначе могут полететь в тартарары и все остальные приказы, если народ увидит, что хоть какие-то можно не выполнять и за это не вешают.

Остается одна деликатнейшая вещь, к которой не знаю, как подступиться. Чтобы иные расы могли интегрироваться в наш мир, они должны принять христианство, иначе так и останутся на обочине. Но что-то подсказывает мне, что ни эльфы, ни гномы не станут принимать христианство даже понарошку, как сделали мараны.

Значит, их расы все-таки будут, как я и предполагал, жить в резервации со своими законами. Я обеспечу их неприкос-

новенность, а общаться будем через торговлю, о чем вообще-то и была речь, это я так загадываю...

Бобик забежал вперед, остановился и требовательно гавкнул. Я в изумлении придержал арбогастра.

– А ты как догадался?

Он гордо помахал хвостом и посмотрел снисходительно. Мол, у такого простака все на лице написано. Я молча ругнулся: значит, государственно-невозмутимое выражение нужно соблюдать и среди пустыни, мало ли кто увидит и сделает далеко идущий прогноз, получив тем самым стратегическое преимущество над другими.

– Ждите, – велел я.

Самую глубокую из пещер я выбирать не стал, было бы глупо, просто спустился в эту заброшенную из-за войны шахту, покричал там погромче, – имя Атарка должны знать, – наконец издали из самого темного угла донесся враждебный голос:

– Ну и чё?.. Зачем тебе Атарк?

– Нужен, – отрезал я. – Он мой кунак, можно сказать. По-вашему, кум. Не аменгер, слава богу, но почти родня. Этого довольно?

Голос прогудел в темноте могучий, словно со мной общается слон, а не гном, ростом мне разве что до пояса:

– Нет...

– Ну ладно, – сказал я с досадой. – Мы с ним заключили договор, что вы можете свободно входить в города людей и

торговать своими... да не мордами, а изделиями, если еще не разучились. Я же зашел узнать, как продвигается международное и междурасовое сотрудничество, а также заодно принес заказ на гномью кольчугу и желательно молот.

Из темноты раздал угрюмый голос:

– Так бы и сказал, что заказ... а то про какую-то международную хрень...

– Так позовешь? – спросил я.

– Щас... Только насчет заказа... Мы берем дорого.

– Я верховный лорд двух с половиной королевств, – сказал я надменно. – Думаешь, мне заплатить нечем?

В темноте послышалось шмыганье могучим носом.

– Дык смотря какие королевства... Иные можно шапкой накрыть.

Как догадываюсь, у гномов все же есть что-то подземное скоростное. Насчет того, что гномы умеют ходить сквозь стены, я не очень-то верю, а вот что их что-то носит, и довольно быстро, убедился еще в прошлый раз.

Сейчас не успел и повызывать гномьи секреты, хотя у гномов мало что узнаешь – они не столько хитрые, как скрытные, – а вдали уже послышалось гроыханье, звон металла, на стенах заблестели и задвигались блики красного огня.

Из-за дальнего поворота вышли два гнома с факелами в руках, а следом Атарк, до предела солидный и важный.

Я задумался, как с ним обращаться: как сюзерен с васса-

лом или гном с гномом, решил, что лучше всего как торговец с торговцем.

– Дорогой друг Атарк! – сказал я жизнерадостно. – Начались ли работы в недрах Опаловой?

Он подошел и крепко пожал мне руку, у меня даже пальцы слиплись, хотя напрягал изо всех сил, пробасил довольно, задрав голову:

– Это мы сразу... Как не проверить? И наружу выходили.

– Торговать пробовали? – спросил я.

Он покачал головой.

– Еще нет, но люди нам делать штольни уже не мешают, как раньше. Так что да, договор действует.

Я сказал быстро:

– Атарк, у меня будут большие заказы для всего племени гномов, так что наш общий расцвет еще впереди. А пока я хочу попросить тебя сделать мне хорошую кольчужку, какие вы иногда делаете для своих королей... Ну, чтоб ничем ее, даже арбалетной стрелой.

Он кивнул.

– Сделаем. Что-то еще?

Я вздохнул.

– Сам знаешь, был у меня когда-то молот, выкованный древними гномами. Теперь так делать не умеете. Я еще геммы для него добывал, помнишь? Чтоб летел далеко и рушил сильнее... Ностальгия у меня, понимаешь? Всякое оружие в моих руках с той поры побывало, а вот его забыть не могу.

Скучаю, как по любимой женщине.

Он помрачнел, надулся.

– Секреты потеряны, ты прав. Вообще-то, думаю, при большом желании... очень большом!.. попробовать бы можно... Самим интересно. Но надо собрать мудрецов, разыскать древние записи... Это столько будет работы, даже не представляю!

– Я сумел бы оплатить, – сказал я без всякой надежды. – Сейчас мои возможности весьма даже... И как не использовать ресурсы королевств для личного обогащения?

Он ответил неохотно:

– Попробуем. Ничего пока не обещаем. Но попробуем. Я ж грю, самым интересно...

– Все расходы оплачу, – напомнил я еще раз. – Если можно кольчужку как-то загномить, в смысле зачаровать погномьи, то я как бы и совсем даже не против, еще как не против! Я паладин с настолько высокими и одухотворенными запросами, что на всякое колдовство внимания не обращаю, это ж вчерашний день, но пользуюсь, не совсем же дурак...

Глава 2

Когда я выбрался наверх, Зайчик с меланхоличным видом что-то жует, прислонившись боком к отвесной стене, хруст такой, словно работает мощная камнедробилка, от Бобика только толстый зад из ямы, откуда с бешеной скоростью вылетают твердые комья, а это вот само погружается в землю, словно тонет.

– Подъем, – скомандовал я. – Хватит мышек обижать!..

Бобик вылез, морда вся в песке и глине, вот уж землеройная собака, в глазах недоумение, почему это мышек нельзя гонять, они ж такие смешные...

Зайчик привычно подставил бок, я поднялся в седло и разобрал повод.

– Ну, кто быстрее в Савуази?

Они шли наравне, но за несколько миль до Савуази я сбросил скорость до скачущего галопом обычного коня. На мой взгляд, ничего не изменилось, никакой войны не было, по всем дорогам точно так же тянутся в обе стороны телеги, идут нагруженные тюками кони, возницы переговариваются лениво либо дремлют.

Гиллеберд создал очень успешную систему, торговля процветает, несмотря на смену правления, все работают, как и прежде, кто в поле, кто на рудниках, кто в лесу. Но это еще ничего, меня больше радует, даже восторгает, что Савуази,

где все должно быть пропитано духом и волей Гиллеберда, функционирует слаженно, даже королевский двор начал заполняться, как только пришла весть, что король убит, а это значит, все освобождены от клятвы верности прежнему правителю...

Савуази после нашего штурма отстроен полностью, вернее, отстроена и восстановлена стена, а дома внутри города так и остались целыми. Редко какая война проходит с таким минимальным ущербом для столицы и вообще экономики.

Стражи в городских воротах вытянулись при виде властелина королевства, я проехал мимо со спокойным и надменно-величавым видом. По дороге народ узнавал и кричал довольно, я вслушивался и не слышал страха или ненависти. Вообще-то простой народ редко чувствует разницу при смене королей, это вельможи весьма чувствительны, их такое касается иногда весьма заметно...

На площади появились передвижные лавки, торгуют пирогами, жареным мясом, пивом и вином. С той стороны высокий забор из стальных прутьев с острым концами, такие же металлические ворота, за ними роскошный сад из цветущих кустарников и клумбы с розами, а еще широкая, выложенная плитами дорога к дворцу, что высится там вдали, огромный и величественный, поразивший меня как размерами, так и вычурной архитектурой еще в первый приезд.

Монументальность и легкость, умелый дизайн и практичность – такого не видел в прочих северных королевствах.

Вымуштрованная стража распахнула ворота королевского сада с такой быстротой, что мы могли бы пролететь, не сбавляя скорости, но это Бобик унесся вперед огромными прыжками, а мы с Зайчиком проехали достаточно неспешно, давая возможность всем встречающим утереть слюни и застегнуть ширинки.

У дворца на стук копыт развернулся статный рыцарь, в доспехах, но с непокрытой головой. На меня в упор взглянули очень светлые глаза, похожие на чистейший лед, укрывающий вершины гор.

Он заколебался: то ли преклонить колено, то ли, напротив, выпрямиться, он же на службе, а я сказал благожелательно:

– Сэр Ортенберг, сообщите членам Высшего Совета, что я прибыл. Пусть без особой спешки соберутся. Но опоздавшим будем рубить головы на площади и объяснять, за что именно.

Он чуть склонил голову.

– Все будет выполнено, ваша светлость.

На его губах на миг пробежала улыбка, мол, шутку и понял, и оценил в том смысле, что властелин благосклонен, у него все хорошо, а это значит – и в королевстве все хорошо.

Оставив Зайчика, я взбежал по широким ступеням вверх, в холле навстречу по-носорожьи ринулся Бальза, все такой же грузный, толстомордый, щеки на плечах, восемь подбородков на груди, однако толстые ноги натренированно опу-

стили его на одно колено.

– Государь!

Я смерил его насмешливым взглядом.

– Помнится, – сказал я с легкой угрозой, – ты говорил, что всегда успеваешь? Говорил?.. Говорил... Так что успел за это время?

Он умоляюще простер ко мне руки.

– Государь, все сделано!

– А что? – спросил я.

– Все, – сказал он преданно. – Все-все!

– Ладно, – сказал я, – встань и трудись дальше как божья пчелка, хоть ты и похож больше на шмеля, что жужжит много, а меда не носит... Да, кстати! Встань и больше не преклоняй колено. Ты служащий, а не рыцарь. Не забывайся!

Он воскликнул с великой благодарностью:

– Слушаюсь, мой государь!

Насчет «государя» я промолчал, можно бы и поправить, но это уже совсем мелкие придирки, быть государем вовсе не значит – королем. Любой мелкий самостоятельный феодалчик уже государь в своих владениях, так что пусть, я в самом деле чуть было не стал настоящим государем, но все-таки удержался: хоть и дурак, но не настолько же.

Если по уму, то надо бы удержаться от загребывания и этой части Турнедо, да еще с Савуази, но тут уж так карта легла, что нельзя не взять, а теперь не знаю, как удержать это все, не по моим силам пока такая громада, хоть я и самый

умный на свете и вообще красавец, но не понимаю, как всю эту громаду, расположенную по обе стороны Великого Хребта, удержать и не дать рухнуть в пучину гражданских войн.

На лестнице, что ведет на второй и прочие верхние этажи, среди стражи половина арбалетчиков, ну это и понятно, здесь начальник внутренней стражи Тэд, он же Эдвард, глава всего вспомогательного войска арбалетчиков и лучников.

Он сам, в кожаном панцире, как и все его люди, только с тонкой золотой цепочкой на груди, встретил меня наверху лестницы, бодро выкрикнул:

– Ваша светлость, все спокойно!

– Пусть так и будет, – согласился я. – Но ты бди, Тэд, не расслабляйся.

Он заулыбался во весь рот, гордый, что его помнят, а я быстро поднялся еще на этаж; сверху сбегает встревоженный барон Саммерсет.

– Ваша светлость!

– Быстро отчет, – велел я в стремительном темпе. – Кто, как, где, когда, с кем и почему?.. Кто позволил?.. Почему не остановили?

Он ахнул, но ответил так же быстро:

– Вы позволили, сэр Ричард!

– Почему отвечаете с конца? – спросил я с подозрением. – Рыльце в пушку? Что успели украсть? Или полкоролевства сожгли?

Он отшатнулся.

– Ваша милость! Да без вас мы вообще боялись взяться даже за холодную воду. Вот сидели сложа ручки и ждали, когда примчитесь и возопите: кто, как, где и все прочее, такое непонятственное здравому христианину... Вы христианин, сэр Ричард?

– Не похож? – спросил я с угрозой.

Он замахал руками.

– Похож, еще как похож, даже смотреть страшно!.. Не мир я принес, как там сказано, а двуручный меч, а также саранчу и мух... или это где-то в другом месте? Знаете, моя голова давно перестала вмещать всякие там учения, но зато я исполнитель, сэр Ричард! Все что угодно не исполню, только прикажите!

Я сказал неодобрительно:

– Все бы вам ха-ха. Как почуяли, что все уладилось?

Он сказал с широкой улыбкой:

– По вам видно, ваша светлость! От вас прям искры летят, как от наждачного камня.

– Эх, – сказал я с досадой, – снова потерял государственное выражение лица... Ничего, вот сяду на трон, всех вас заставлю маршировать и петь мне хвалу.

Мы поднялись к моему кабинету, двое слуг застыли неподвижно у двери, они и распахнули – прогресс, в прошлый раз это делали стражи, а сейчас стражи просто бдят и стерегут, не отвлекаясь на работу лакеев.

Я вошел в кабинет быстро и по-хозяйски, теперь это все

мое, кивнул барону на кресло с краю от стола, но он остался в почтительно согнутой позе, пока я не сел сам и не водрузил локти на край стола.

– Сейчас буду шкуры спускать, – предупредил я.

– Да, – ответил он, – а как же, конечно!

За дверью послышался топот, с разбега влетел лорд Вайтхолд, лицо его сразу вспыхнуло радостью.

– Ваша светлость!.. Ваша светлость?

Я успокаивающе помахал рукой.

– Раз уж вам выпала нелегкая доля побыть моим личным секретарем, то вам сесть не предлагаю, перебьетесь, не положено. Но как лорду Вайтхолду указываю вот на кресло рядом с благородным сэром Саммерсетом. Садитесь и докладайте.

Он сел, но на меня смотрел умоляюще.

– Как... там?

Я успокаивающе помахал рукой.

– Лучше не придумать. Все прошло как нельзя... в смысле замечательно! Со стороны Варт Генца полные гарантии, они хотят остаться лучшими друзьями.

– Точно?

– Никуда не денутся! – заверил я. – Им теперь долго разбираться со своими проблемами. Дорогой сэр, все-таки вам придется приподнять свою задницу, раз уж вы не только лорд Вайтхолд, но и мой секретарь. Тащите все карты, какие у нас есть. И каких нет, тоже тащите. Раз на вас свалилось такая трудная, но почетная работа, надо поразбираться с нашим

окружением.

Барон Саммерсет слушал молча, а Вайтхолд перепросил:

– С соседями Турнедо?

– А с кем еще? – удивился я. – Вас и так знаю. И вообще... прошло счастливое детство, когда меня интересовала только моя песочница, а потом замок и две деревни... Теперь, поди ты, размах – прям голова кружится, и десять тысяч курьеров спешат, спешат, зовут куда-то...

– Ваша светлость, – напомнил Вайтхолд, – все карты у вас в кабинете.

– Так достань и разверни, – велел я.

– Да боюсь, – сказал он, – вдруг вдарите! Вы ж теперь победитель самого Гиллеберда, а я в ваших вещах роюсь как свинья какая пернатая. Вдруг там что-то совсем уж непристойное, а вы забыли... Так и голову потерять можно. Лучше уж выглядеть дураком, чем чересчур умным.

Я хмыкнул, он аж дергается от нетерпения, щеки покраснелись, как у девицы, руки дрожат, пока раскатывает карту на всю столешницу и придавливает края чернильницей и кинжалами.

– Не слишком мелкая? – спросил он. – А то у вас масштабы растут...

– Хорошо бы сузить, – сказал я, – как советовал некий философ, но не знаю, как это сделать, чтобы лицо не потерять. Так что, ладно, остановимся на этом. Но больше ни пяди чужой земли!

– А своей?

– Не отдадим, – сказал я, – но и чужую не возьмем. Даже если будут догонять и в сумку пихать. Та-а-ак, вот это и есть отныне наше Турнедо, что уже вообще-то не Турнедо, но будем пока звать так из неловкости перед побежденными... Поверните ее вверх ногами, а то у меня север внизу, а юг вообще непонятно где.

Он спросил:

– Ваше светлость, а не проще зайти с той стороны стола? Я покачал головой.

– А стороны света тоже поменяешь? Мне надо, чтобы север на карте совпадал с реальным, а то некоторые уже бурчат, что правую руку от левой не отличаю, как одна известная девочка... Давайте, сэр Вайтхолд, не ленитесь, война еще не окончена!

Он сказал с восторгом:

– Правда? Слава богу, а то я уже перепугался. Как жить без войны?

Я старался смотреть на карту и увязывать эти линии и черточки с тем, что видел, когда неся на Зайчике, преодолевая реки и огибая леса. Если поместить Турнедо в центр мира или хотя бы карты, то слева Шателлен, справа Бурнанды, на севере граничит с Варт Генцем прямо по центру, а справа и слева от Варт Генца, Скарлянды и Гиксия, что касаются Турнедо самыми краешками.

Но северные границы Турнедо меня не колышут – отошли

к Варт Генцу, куда важнее южная граница, что отделяет от Армландии и Мезины, но с Армландией соприкасается достаточно широким фронтом, а с Мезиной полосой в два десятка миль.

Правда, с Армландией отныне никаких границ, свободное перемещение людей и товаров, а также свобода обмена информацией... это можно разрешить в первую очередь, раз уж запретить не могу, только подать как мудрую и человеколюбивую политику заботливого государя, направленную на благо простых людей.

– Надо провести ротацию кадров, – решил я глубокомысленно. – Срочно вызывайте более-менее мобильных лордов из Армландии.

– Что им сказать?

– Укрепим, – объяснил я, – ими слабые места в этом пока что враждебном королевстве. Местных рыцарей нужно отправлять как можно больше через Тоннель в Сен-Мари. Там критическая ситуация, как вы знаете...

– Уже сделано, – ответил он гордо.

– Что, – удивился я, – вызвали армландцев?

Он несколько смутился.

– Нет, но наши такого нарасказывали о чудесах южного королевства на берегу бескрайнего океана, что местные рыцари, особенно безземельные и безлошадные, просто ночами не спали, пока не сбились в отряды! Два я уже отправил, а сегодня-завтра еще один...

– Сколько?

– Тысяча в первом, – отрапортовал он, верно поняв вопрос, – полторы во втором, а в третьем ожидается больше двух! И это только рыцари и тяжеловооруженные!.. Правда, из казны велел выдать им на снаряжение, надеялся, что вы будете не особенно против...

Я обнял его и расцеловал в щеки, хотя жутко не люблю это действие, но среди рыцарей оно почему-то в ходу. Видимо, усиленный знак христианской любви.

– Благодарю вас, сэра Вайтхолд! – сказал я с чувством. – Вы поступили совершенно правильно! Что казна! еще нагребем и попрыгаем в бассейн из золотых монет, а сейчас нужно удержаться самим и удержать то, что захапали. Да и как не хапать, когда само в руки приплыло?..

Он посмотрел пытливо, но смолчал: по их мнению, оно не совсем плыло, это я хитростью, коварством, изощренными переговорами и сталкиванием интересов вырвал из когтей более сильных львов самый лакомый кусок, а сейчас, конечно, можно подавать и так, если это соответствует политическому моменту.

Глава 3

Дверь приоткрылась, заглянул виконт Каспар Волсингейн, а за его плечом угадывается могучая фигура Клемент Фидджеральда.

– Ваша светлость, – проговорил сэр Клемент.

Я отозвался нетерпеливо:

– Да-да, звал! Заходите!

Они вошли несколько стесненно, я с досадой оставил карту и со всеми сердечно обнялся в старании развеять эту скованность.

– Ваша светлость, – сказал сэр Каспар, на лице блуждает радостная улыбка, – как съездилось?

– Все уладил, – ответил я, – от короны отказался.

Они заулыбались шире – понятно, лорд пошутил, – а я нетерпеливым жестом подогнал их к столу.

– Пир потом, потом!.. Какие-то соображения есть по поводу нового приобретения Армландии?

Сэр Клемент не понял, судя по его лицу, все наклонились к карте, а он все еще смотрел на меня весьма озадаченно.

– А что она... приобрела?

Виконт Каспар толкнул его в бок, сэр Клемент чуть смутился и со скрипом повернулся к столу с картой, но, судя по лицу, так и не понял.

Зато сэр Вайтхолд взглянул на него и сказал осторожно:

– Ваша светлость, уместный вопрос...

– Слушаю, – сказал я в нетерпении.

– Среди рыцарей, – проговорил он, – много спорят о вашем строжайшем приказе не препятствовать людям короля Барбароссы топтать землю Армландии...

Он умолк и выжидающе смотрел на меня.

– Верно, – подтвердил я бодро, в таких случаях надо демонстрировать полнейшую уверенность. – Такой приказ оглашен.

– Но люди короля Барбароссы, – сказал он тоже с уверенностью в голосе, – обязательно восхотят посещать отошедшие к их королевству территории этих разделенных земель...

Дверь приоткрылась, вошел барон Бальдфаст Бредли и тихонько присел у самого входа.

Все смотрят на меня очень внимательно. Я ощутил, что разговор назрел опасный, нужно пройти по лезвию ножа, не свалиться, но и не поранить ноги на тернистом пути государственного деятеля.

– И что вас беспокоит? – спросил я с подчеркнутой беспечностью и поиграл цветным шнурком на ножнах у рукояти меча.

– Фоссано, – проговорил сэр Вайтхолд с растущей твердостью в голосе. – Мы немало воевали с ними, отстаивая свои привилегии и особенности, сэр Ричард! С вами в качестве гроссграфа мы почти добились полной независимости, а тут

вдруг такое... Сэр Ричард, нельзя отдавать такой кровью завоеванные права!

Я перевел дыхание, мысли мечутся, подыскивая выход, наконец я ухватился за яркую и очень трезвую мысль.

– Сэр Вайтхолд, Армландия меньше Фоссано насколько?

Он подумал, буркнул:

– На треть. Даже больше. А народу в Фоссано впятеро!

– Всего лишь? – спросил я и улыбнулся широко и свободно.

Они смотрят настороженно, но и с надеждой – я же не последний дурак, чтобы убиться о стену, когда положение начало улучшаться.

– На треть? – повторил я. – Ну что вы за дубы такие, пользуетесь давно устаревшими сведениями! И потому неверными.

– Ваша светлость? – сказал Вайтхолд обескураженно.

Я жестом велел заткнуться и продолжил:

– Вижу, не только наш неустрашимый и доблестнейший сэр Вайтхолд упустил некоторые подвижки в современной геополитической схеме. Мир меняется, как велел Господь, и меняется руками своих доблестных воинов. Кто не понял, указываю пальцем, сие есть мы, свершители божьей воли, так что кто тут против нас?

Сэр Вайтхолд сказал осторожненько:

– Ваша светлость, я смутно начинаю улавливать, что мир меняется в нашу пользу... раз уж это мы его меняем. Не со-

всем уж мы эти, чтоб менять в чужую!.. Но все-таки как бы это...

– Абисняю, – прервал я, – вернее, напоминаю то, что и сами знаете, но не делаете выводов. Теперь Армландия больше Фоссано в разы! С юга у нее за Великим Хребтом – Сен-Мари, а с севера – две трети Турнедо с его мощной экономикой, могучей военной машиной, которую не разрушили поражения, а остановилась она только из-за смерти Гиллеберда, но может быть снова запущена в любой момент... Еще чего-то не поняли?

Я видел, что еще не поняли, но мой уверенный и жизнерадостный голос поколебал их, потом заставил задуматься, а когда сообразили, что Армландия может пользоваться ресурсами огромного и богатого Сен-Мари, а также Турнедо как людскими, так и материальными, на их медленно светлеющих лицах начали появляться неуверенные улыбки.

Первым смущенно пробормотал виконт Каспар:

– Я как-то не подумал...

Клемент бухнул, как бросил валун в озеро:

– Сэр Ричард намекнул, что Армландия уже может не бояться Фоссано?

– Уже никого может не бояться, – сказал Бредли, щегольнув быстроумием. – Мы граничим с Мезиной справа и самым краешком – с герцогством Ламбертиния. Мезина нас и раньше не тревожила, а герцогство вообще замкнулось в своем мире... Сэр Ричард давно увидел то, что мы с трудом

соображаем только сейчас.

Они улыбались мне, я улыбался им, делая вид, что да, я мудр и давно это знал, хотя эта мысль пришла в голову мину-ту назад. А ведь в самом деле, с таким перевесом уже хвост может вилять собакой.

– Начинаем вводить некие прогрессивные новшества, – сказал я. – Сейчас вот велю направить нужных людей в города и деревни, пусть присягу мне дает всяк сущий в них язык.

Сэр Вайтхолд переспросил немножко обалдело:

– Это как?

– Все, – пояснил я, – кроме детей и женщин, а люди – все без исключения.

– Знатные и незнатные? – уточнил он.

– А также богатые и бедные, – подтвердил я. – Я демократ или не демократ? Господь сказал: все равны, вот пусть все и приносят!

Рыцари умолкли, а сэр Вайтхолд, выражая общие чувства, скривился, как от горькой редьки.

– Ваша светлость, – спросил он, – а надо ли? Ну какой толк от мелких земляных червей в их глухих деревнях? Пусть приносят присягу своему лорду, вы должны быть выше!.. Вам присягают сами лорды! Разве этого недостаточно?

Я посмотрел на него внимательно:

– Сэр Вайтхолд, ваши советы становятся чересчур настойчивыми! Вам не кажется?

Он заметно смутился, отступил и развел руками.

– Ваша светлость, вы же знаете, как я вам предан!

– Рассчитываю на это, – ответил я дипломатично. – В общем, задача вам ясна?

– Все выполню, – ответил он. – Разрешите выполнять?

Я сделал небрежный жест одними кончиками пальцев.

– Да, все свободны.

Они по-военному быстро поднялись и вышли, сэр Вайтхолд пошел было с ними, я сказал резко:

– Сэр Вайтхолд, а вы куда? Рабочий день еще не кончился!

Он обернулся, губы искривились в усмешке.

– А у вас он когда-то заканчивается?

– У вас тоже безразмерный, – заметил я.

Я навис над картой и всматривался в очертания рек и дорог, он некоторое время молчал, я видел краем глаза недоумение на его лице; наконец он поинтересовался:

– А как начет северных территорий?

– А что с ними? – спросил я.

Он кивнул на карту.

– Вы расчертили земли королевства на четыре части, но только у Найтингейла прямой доступ к его куску пирога. Барбароссе надо ходить через Армландию, а мы весьма настороженно смотрим на короля соседнего королевства... он для нас король-сосед, а не сюзерен!.. а у Варт Генца свои трудности...

– Какие же? – полюбопытствовал я.

– Почти половину тех земель, – объяснил он, – что отошли

нашим верным союзникам, занимают владения семьи Лихтенштейнов. Помните, вы видели и даже общались с доверенным лордом герцога Кристофера Ярдшинского, его преданным вассалом Зигмундом Лихтенштейном, что руководил последней атакой на Савуази?

– Помню, – обронил я.

– С ним были его братья, – сказал он, – дяди, а также вассалы. Вы еще сказали, что слоны, а не люди...

Я прервал:

– Короче, барон. В чем там трудности?

Он развел руками.

– Семья Лихтенштейнов не желает попадать под власть Варт Генца! А у них, надо сказать, очень мощные крепости, Гиллеберд сам их проектировал и строил, чтобы там могли разместиться войска и выдерживать долгие осады.

– Это нормально, – прервал я снова, – на границах все строят не просто замки, а крепости. И что за споры? Варт Генц мог бы пообещать какие-то льготы...

Он тяжело вздохнул.

– Варт Генц ослеплен ролью победителя! Потому никаких уступок. Кроме того, все и так обижены, что вам досталось две трети Турнедо, а им – всего клочок. Да и тот, оказывается, отстаивает независимость!

Я сказал сердито:

– Сэр Вайтхолд, разве это наши трудности? Давайте все-таки смотреть, что у нас где горит, а если нет, то где заго-

реться может!.. Или где попытаются поджечь. Вы слышали про поджигателей войны?

Он начал загибать пальцы.

– Если начинать с любимой вами экономики, то здесь все неплохо, почти все работает. Мы ухитрились захватить страну, почти ничего не нарушив и не поломав...

– Это не наша заслуга, – прервал я, – Гиллеберд выстроил самовосстанавливающуюся систему. И саморегулируемую. Что там дальше?

Тень недовольствия промелькнула на его лице.

– С политикой, – продолжил он, – еще проще. Врагов фактически нет. По крайней мере очень уж явных.

Я смотрел, как он покрутил оставшиеся три пальца и убрал их в кулак.

– И все?

– Ваша светлость, – возразил он. – Если и есть какие-то мелочи...

– Как обстоят дела с экологией? – прервал я. – С охраной окружающей среды? Меня интересуют природоохранные парки, сколько их в королевстве, насколько опасны, что нужно сделать?

Он просиял.

– О, ваша светлость, не волнуйтесь, их много! Синее Болото, Зыбучие Пески Дарна, Гиблый Лес, Проклятая Долина Скелетов... Это самые обширные, а есть еще всякие зачарованные места, их множество, и почти везде от смельчаков

остаются одни кости!.. А кое-где и костей даже не находят. Взять, говорите, под охрану?

Я отмахнулся:

– Их слава сама их защищает. Ничего, дойдут руки и до них. Мой билль о свободном передвижении эльфов распространили?

– Да, ваша светлость! Во всех городах, селах и деревнях герольды прокричали. И что за препятствия, обиды и притеснения эльфам будете спрашивать строго.

– Хорошо, – сказал я. – Проследите, чтобы точно такие же права были и у наших союзников гномов.

– Они обнародованы!

– Значит, – сказал я, – пусть глашатаи прокричат громче. А то в города гномы пока заходить не решаются.

– Осторожничают...

– Может, не зря?

Он сказал с неудовольствием:

– Турнедцы очень дисциплинированы. Если закон обнародован – он выполняется.

– Ну, – сказал я, – гномы могут не знать, чем отличаются турнедцы от вартгенцев. Просто повторите мой приказ по всем городам и деревням.

Глава 4

Я быстро придумывал указы, оформлял во внятные слова, подписывал и передвигал на другой конец стола, а сэр Вайтхолд время от времени появлялся в кабинете, собирал и пропадал совершенно бесшумно.

В какой-то момент он не возник у стола, а смиренно застыл у двери. Я вздернул голову и посмотрел на него довольно бессмысленно – я же сейчас указоиздатель.

– Сэр Вайтхолд?

Он поклонился.

– Ваша светлость, к вам просится аббат какого-то монастыря. Или глава какой-то гильдии... я не расслышал, простите. Но мне показалось или вовсе почудилось, он хочет и готов сказать что-то важное.

Выглядел он смущенным, никогда таким не видел, даже лицо пошло красными пятнами, не может себе простить, что из головы вот так вдруг вылетело имя просителя, и – стыд какой! – даже забыл, представляет тот монастырь или гильдию работников.

Я насторожился – для цепкого сэра Вайтхолда такое нехарактерно, но ответил очень любезно:

– Хорошо, сделаем небольшой перерыв. Впустите его, а сами подождите за дверью.

Он поклонился.

– Ваша светлость...

– Сэр Вайтхолд, – ответил я.

Он вышел, оставив дверь открытой, а через порог скромно переступил мужчина в темной одежде, шляпа в руках, тут же коротко поклонился.

– Ваша светлость, – произнес он с расстановкой, – я аббат монастыря имени блаженного Агнозия.

Дверь за ним закрылась, но мне показалось, что сэр Вайтхолд к ней прикоснуться не успел.

Я молчал, всматриваясь в это лицо умного и проницательного человека: глаза смотрят прямо, в них живой блеск, вертикальные складки над переносицей, чуть сдвинутые брови, взгляд острый, не просто смотрит, но и рассматривает, что в этом кабинете непривычно – рассматривать могу только я.

– Блаженного Агнозия? – переспросил я. – Величие и сила нашей церкви в том, что у нее очень много святых, учеников, героев и подвижников. Настолько, что простой воин вроде меня не в состоянии запомнить всех...

Он поклонился.

– Слова мудрости, ваша светлость. Тем более приметные, что мы взяли покровителем вовсе не одного из отцов церкви, как делают многие, ибо под сиянием великого имени проще процветать, а вот под покровительством блаженного Агнозия все зависит только от нашей деятельности.

– И чем отличаетесь вы, – спросил я настойчиво, – от основной массы монахов и монастырей?

Он смотрел в мое лицо с прежним благожелательным вниманием, но я ощутил в нем растущее напряжение, наконец-то прозвучал вопрос, который решит, как сложатся наши отношения дальше.

– Наш патрон увлекался механикой, – сообщил аббат. – Той, старой.

Я помолчал, потом поинтересовался осторожно:

– Но разве церковь не запрещает все, что относится к временам до Великих Войн Магов?

Он покачал головой.

– И до войн люди ходили на двух ногах, ели, пили, разговаривали, учились читать и писать... Нельзя запретить все. Устав нашего ордена согласован с Ватиканом практически во всем...

– Практически?

Он кивнул.

– Да. За исключением отношения к простейшей технике. Колдовство, магию и любую волшебную силу мы отвергаем как занятие нечестивое и противное Господу. Однако простейшую механику, облегчающую жизнь, мы приветствуем и стараемся внедрять в нашу повседневную жизнь.

Я спросил в упор:

– Тогда чем отличаетесь от цистерцианцев? Они просто помешаны на механике!

– Они признают только ту, – ответил он смиренно, но с той гордостью, что уже гордыня, – которую понимают, кото-

рую придумали сами и которой могут научить неграмотных крестьян. А те могут научить ей других таких же простых и весьма нелюбопытных. Мы же признаем и ту, принципы которой пока не понимаем.

Я вздрогнул.

– Ого! Это же использование запрещенных церковью вещей!

– Ваша светлость, – произнес он вежливо, но я чувствовал твердость в мягком голосе, – наше понимание в этих вещах чуть шире. Если нет магии, если не наносит ущерба церкви и человеку, то это можно использовать, одновременно стараясь понять, как это работает, чтоб сделать понятным даже цистерианцам.

В его вежливом голосе слышалось тщательно скрываемое презрение к братьям по вере, что напрасно ограничивают себя такими запретами.

– Так-так, – проговорил я нерешительно, – устав вашего монастыря любопытен... но не граничит ли это с запрещаемой ересью? Или, скажем прямо, не ересь ли это?

Он ответил уклончиво:

– Ваша светлость, вы явно просвещенный человек, это чувствуется даже в построении вашей речи. Возможно, вы слышали, как некоторые еретические мысли и даже учения со временем канонизировались и становились официальной политикой церкви? К счастью, позиция Ватикана подвижна и может меняться, что она с успехом и демонстрировала на

протяжении веков к вящей славе церкви...

Сердце мое стучит часто, я сейчас тоже близок к проступку, но заставил себя кое-как успокоиться и спросил почти деловым тоном:

– Значит... механики?

Левый уголок его рта чуть дернулся, но это не раздражение, как я понял, а подобие улыбки.

– Уместное уточнение, – заметил он. – Особые и весьма искусные механики. Для особых людей.

Я повел рукой в сторону кресла в двух шагах от меня.

– Присядьте, сэр... сэр?

– Просто аббат Дитер, – ответил он спокойно. – Да, аббат Дитер.

Я смотрел, как он садится, легко и без подобострастия, как человек, скажем, церкви, что не видит разницы между нищим и королем. Но только это явно не той церкви, как ее видят из Ватикана. Очень даже не той.

Он тоже смотрел на меня изучающе, глаза стали холодными и немигающими, внезапно привычно круглые зрачки стали вертикальными щелочками, как у отвратительных змей и кошек.

Я не вздрогнул, но явно что-то изменилось в моем лице – он сказал чуточку виновато:

– Ваша светлость, простите...

– Как вы это делаете?

Он снова улыбнулся лишь уголком рта.

– Я не могу так, как вы делаете, не меняясь...

Я спросил настороженно:

– О чем вы?

– Об умении видеть тепло, – объяснил он. – Иногда очень полезно, не так ли?

– Полезно, – пробормотал я, – только я не думал, что по мне это видно.

Он выставил перед собой ладони.

– Ваша светлость, таким умением обладают только в нашем монастыре. Да и то немногие из иерархов. Они вас заметили здесь еще в ваш первый визит... Помните, рядом с Гиллебердом сидел человек в сутане? С того дня следили за вашими действиями... и особенно восхищены, как вы провели захват королевства, мудро и красиво!

Я пробормотал:

– Польщен. Но что именно вы считаете мудрым и красивым?

– Не сражения на мечах, – ответил он ровным голосом, – это для простых. Вы договорились о помощи с эльфами и гномами, это привело нас в восторг!

– Ничего особенного, – ответил я нехотя, – когда тонешь, и за гадюку схватишься. А эльфы и гномы могут пригодиться и в развитии народного хозяйства.

Он вскинул брови, некоторое время смотрел с недоверием.

– Вы всерьез? Не планируете их обмануть?

– А зачем? – спросил я. – Дружить выгоднее.

Некоторое время он смотрел пристально, я чувствовал, как давление на меня растет, рассердился и мысленно отшвырнул это вот, и аббат заметно дернулся, по лицу пробежала короткая судорога, но тут же улыбнулся и сказал почти тепло:

– Это истина, ваша светлость, но говорить ее некому.

– Согласен, – буркнул я. – И с чем вы... пришли?

Он снова уставился в меня немигающе змеиными глазами, на этот раз ощупывающее присутствие почти не ощущалось, и я не стал обращать внимание, все равно я в силу происхождения иммунен к местной чертовщине.

– С предложением сотрудничества, – сказал он и торопливо добавил: – Мы понимаем, короли требуют полного повиновения, и при них есть свои маги... однако, ваша светлость, вы же понимаете, придворные маги почти ничего не стоят!

Я кивнул.

– И что?

– Мы можем вам дать то, – сказал он, – чего не дадут войска, захваченные земли, готовые на все услуги женщины знатных семей, накопленное или взятое с бою богатство...

– Конкретнее, – предложил я.

Он сдержанно улыбнулся.

– Вот за эту деловитость и хватку вы нам нравитесь особенно! Я как аббат монастыря блаженного Агнозия уполномочен всей братией заключать договоры...

– Кровью расписываться не надо? – спросил я шутливо.
Он посмотрел с укором.

– Ваша светлость, мы в самом деле... монахи. Хотя наш устав и не подписан папой римским. Но и не отвергнут! Пока лишь на рассмотрении.

Я порылся в памяти, пожал плечами.

– Как относитесь к власти?

Он кивнул.

– Очень уместный вопрос. Все налоги Ватикану платим своевременно, а от повинностей в королевскую казну освобождены, как все прочие монастыри и церкви. Только по нашему уставу в наш монастырь никто из мирян не допускается.

Я ощутил подтекст, спросил, не сводя с него взгляда:

– А если прибудет легат из Ватикана?

Он понимающе улыбнулся.

– Ему покажут... все.

Небольшая заминка в речи подсказала недостающее, я спросил полуутвердительно:

– Однако в преддверии таких высоких гостей всех монастырей уберут? И коридоры почистят? Вывоют?

Его вертикальные зрачки на миг вспыхнули красным и тут же снова превратились в щелочки, за которыми просматривается черный космос.

– Ваша светлость, – проговорил он сдержанно, подчеркивая каждое слово, – вы очень... очень проницательны.

– В чем вы нуждаетесь? – спросил я. – Как правитель я должен заботиться обо всех. И помогать процветанию.

Он скорбно вздохнул.

– В монастырях монахи работают сами. Но у нас они и так заняты... очень. Однако есть ряд дел, которые могли бы выполнять простые люди. Например, нам нужно вырыть в одном месте очень глубокий колодец. Я не могу сказать даже, какая будет глубина, однако нашим монахам пришлось бы рыть сотню лет. Если же нанять простых людей...

– Так наймите, – прервал я.

Он развел руками.

– К сожалению, есть места, куда простые люди ни ногой. Деньгами не заманить, можно только заставить. Могу признаться, ваша светлость, с королем Гиллебердом в большинстве случаев взаимопонимание мы находили.

– Догадываюсь, – сказал я холодно.

Он снова развел руками, на левой половинке лица все та же полуизвиняющаяся улыбка, но глаза предельно серьезные, только в некоторые моменты в них появляется насмешливое выражение, но я вижу, что не в мой адрес, а вроде бы по поводу ситуации.

– Простите, ваша светлость, ситуация деликатная...

– Двух монстров в непробиваемой броне, – сказал я, – что выше меня ростом, это вы ему угрожали?

Он помолчал, колеблясь, затем сказал нерешительно:

– Такие соглашения не разглашаются, пусть даже Гилле-

берд уже и в другом мире... но... куда они пропали?

– Это я их пропал, – ответил я небрежно. – Встречный пал, так сказать. Да, понимаю. Но мне сейчас защитные средства не так уж и. Ну, вы поняли. Хотя хотелось бы видеть весь ваш ассортимент.

Он сдержанно улыбнулся.

– Как вы понимаете, ваша светлость, этого сделать ну никак. Однако если скажете, в чем нуждаетесь особенно сильно, я мог бы со всей тщательностью просмотреть на этот предмет как наши закрома, так и неоконченные пока что исследования.

Я подумал, спросил:

– Как насчет счастья всем людям на свете?

Он улыбнулся.

– Все шутите...

– Я серьезно, – ответил я. – Представляете, если бы его дал всем я? Но я не отказался бы и от помельче задач. Например, перебить все болезни...

Он ответил ровным голосом:

– Лечить мы можем. От любой болезни. Но не саму болезнь.

– Ну вот, – сказал я со скукой в голосе, – а я знал людей, что убивали и болезни. Наповал! Чуму, холеру, туберкулез, проказу, подагру, гангрену...

Он проговорил серьезно:

– Мы догадываемся, что вы явились из очень далеких

стран, где знают и умеют больше. Но мы можем предложить вам, скажем... более быстрый способ путешествий. Полагаем, что с вашей быстро разрастающейся империей это актуально...

Я сказал четко:

– Я всего лишь грессфюрст!

– Вы слишком быстро возразили, – заметил он тем же ровным голосом. – И чуть громче, чем надо. Это говорит о многом. Даже если вы сами еще об этом не думаете... хотя, я уверен, подумывали. Потому вам нужен быстрый способ перемещения...

– Насколько быстрый? – поинтересовался я.

– Мгновенный, – ответил он, я дернулся, он поспешно уточнил: – Конечно, не куда угодно. Сперва придется установить в месте, куда будете прыгать, особые знаки и символы веры...

– Как долго? – спросил я. – Насколько трудно?

Он наблюдал за моим лицом неотрывно, и, даже если бы я пытался очень сильно скрыть свои чувства, вряд ли мне это удалось бы.

– Ровно столько, – объяснил он, – сколько понадобится на дорогу двум-трем тяжелогруженным телегам, плюс один-два дня на установку.

Мне показалось, что этот аббат даже говорит больше как инженер, чем служитель культа, деловитый такой тон, уверенный голос.

– Меня это заинтересовало, – сказал я. – Хотя мой конь весьма даже...

– У вас не конь, – ответил он спокойно, – или не совсем конь. В наших старых книгах есть описание этих существ. Только они с рогом посреди лба и черными крыльями.

– Даже с крыльями? – спросил я пораженно. – Нет, крыльев уже не было...

– А от рога вы избавили? – спросил он. – Нет-нет, это не наше дело. Все равно наш способ проще... для вас. Хотя и намного затратнее. Простому человеку он не по карману, но государю...

Я поинтересовался:

– А Гиллеберд пользовался?

Он покачал головой.

– Если бы он мог... наверное, достиг бы большего. К сожалению, его возраст не позволял пользоваться таким мощным заклятием. Говорю «к сожалению», потому что он всегда шел нам навстречу. Торговался просто невероятно, но сходились мы с ним всегда, потому что он был любопытен и даже... любознателен.

Я кивнул.

– Давайте конкретнее. Если бы я восхотел этот мгновенный способ перемещения... хотя уже сказал, мне он не так уж и нужен при таком коне... то что вы хотели бы взамен?

– Колодец, – сказал он сразу же. – Нам он просто необходим. Вы пришлете людей, заставите рыть... а мы тут же уста-

новим здесь у вас необходимое... оборудование. А вторую часть заклинания, хотя это вовсе не заклинание, отправим в то место, куда укажете.

– Любое?

Он улыбнулся, покачал головой.

– Оно должно быть достижимым.

– В теории?

Его улыбка стала шире.

– С вами интересно общаться, ваша светлость. Нет, достижимым для нашего обоза. Груз придется везти на двух телегах.

Я подумал, кивнул.

– Хорошо, я человек практичный. Это раньше бы... а сейчас у меня нет несбыточных мечтаний. Мне весьма пригодилась бы такая штука в моем дворце в Геннегау. Боюсь, перемещаться придется часто.

– Это дорого, – предупредил он суховато. – Лучше только в случае крайней необходимости.

– Насколько дорого?

– Дело не в деньгах, – ответил он. – Как раз рабочие, что будут копать, и обеспечат колдовской мощью. Чем глубже проруют, тем ближе окажутся к источникам.

– Грубовато, – заметил я. – А от звезд брать не пробовали? Там энергии больше.

Он посмотрел на меня исподлобья.

– И это знаете?... Гм... со звезд тоже можно, знать бы как...

Из-под земли грубо, все верно, зато надежно.

– Хорошо, – сказал я. – Мне кажется, есть смысл попробовать. Давайте уточним делаи...

Торговались мы долго, я потом только понял, как он ловко забросил сладкого жирного червячка, на которого я клюнул, а потом начал подсекать, то есть сообщил, что рабочих понадобится несколько сотен, что колодец будет не просто колодец, а котлован, из которого землю придется поднимать на веревках в корзинах, а также на спинах носильщиков.

Я уж начал было колебаться, а стоит ли затевать, все-таки Зайчик в состоянии промчаться из конца в конец любого королевства за считанные часы, однако аббат умело напомнил, что так я могу появляться тайно, все будут видеть моего коня на конюшне, а пса на кухне, никто не заподозрит, что я отсутствую, а я тем временем уже за сотни миль вершу дела государства.

Что я буду делать, появляясь тайно, я сам не знал, но перспектива почему-то показалась соблазнительной. Он смотрит с затаенной улыбкой, словно мои мысли для него – открытая книга; наконец я сказал с тяжелым сердцем:

– Вы совсем выкручиваете мне руки, дорогой аббат!... К счастью, военные действия закончились...

Он кивнул.

– Мы это учли.

– Свободных рук прибавилось, – сказал я, – только потому и смогу, наверное, послать пешие войска на рытье котлована,

объяснив стратегической необходимостью, мол, важно для обороны любимого отечества.

– Там не помешает охрана, – заметил он.

– Могу даже приплачивать, – сказал я, – не люблю использовать административный ресурс... хотя все равно платить буду из казны, так что ладно, не так жалко.

Он поднялся, поклонился, явно повеселев:

– Тогда мы договорились, ваша светлость! Я сегодня же прикажу привести части необходимой... механики.

Глава 5

Хорошо быть виконтом Рульфом или даже Каспаром, оба ходят довольные, как два молодых гусака, весело гогочут, клюют других гусей и щипают гусынь. Я поинтересовался, что их воодушевило – прирост добычи железной руды в шахтах Нешера или же прогноз на высокий урожай пшеницы в северных областях.

Рульф ответил счастливо:

– Какая руда, какая пшеница! Вы не поверите, ваша светлость, в ваш дворец начали стягиваться уже не только знатные мужи, но и дамы!.. Да какие, просто глаз не оторвать!

– А они чего? – спросил я.

Он посмотрел с укором.

– Ваша светлость!

– Ну не знаю, – сказал я сварливо. – Знатные мужи не прочь подхватить что-то падающее с нашего стола, а они что?

– Тоже подхватить, – ответил за Рульфа виконт Каспар. – Им подхватывать еще легче!.. Только ноги раздвинуть, только и делов. Чем шире, тем лучше. Платье как парус, все поймает!.. А нам, в штанах, напротив, надо ноги сдвигать, чтобы поймать, потому женщины в таких делах успешнее...

Я поморщился.

– Философ. Так бы рассуждали о судьбах нации!

– А... что такое... нация?

Я безнадежно отмахнулся.

– Эх, лучше говорите о бабах.

Да что там молодые Рульф и Каспар, даже серьезнейший сэр Геллермин, от которого никак не жду легкомыслия, и тот в последнее время взбодрился, выпятил грудь и до треска в суставах раздвигает плечи.

– Ваша светлость, – сказал он серьезно, – пожалуй, я мог бы и пустить в этих местах корни. Женщины в этих землях с округлостями, мягкие, всегда улыбаются, услужливые, а наши в Армландии могут и в морду дать!..

Рульф сказал со вздохом:

– Я тоже заметил такое... Из-за чего чувствую себя предателем Армландии.

Я сказал предостерегающе:

– Сэр Геллермин, никаких баб'с!.. Берите пример с меня. У меня обет, так сказать. Частичный целибат.

– Это... как?

– Строгий, – пояснил я, – ограниченный, ничего лишнего!.. Только по самой необходимости, а то кем мы станем? Точно не героями-сокрушителями.

Он вздохнул.

– Ну да, это конечно... но такие женщины...

Я сказал непреклонно:

– Разве мы закончили и уже отдыхаем? Да работы еще невпроворот! Не забывайте, Турнедо разделено только на бу-

маге.

– Ваша светлость?

– Пора встретить, – пояснил я, – наступающие войска наших союзников. Это ж мы прошли фуксом, как хитрые зайчики, тайными тропами в сердце королевства, а Барбаросса и Найтингейл ломились через мощнейшую группировку северной армии Гиллеберда! Она же вторглась в Армландию, используя многократный численный перевес!

Сэр Геллермин сказал обидчиво:

– Так у Барбароссы и войск поболее, чем у нас. И Найтингейл что-то да делает, он человек добросовестный, все обязательства выполнит. Так что, сэр Ричард, не надо нашу блистательнейшую победу так уж принижать!

– Это он, – предположил виконт Рульф, – чтоб не сглазили.

– Суеверие христианину не к лицу, – заметил сэр Вайтхолд. – Сэру Ричарду должно быть стыдно!

Я сказал горестно:

– Так стыдно, что прямо сейчас на коня. Или подведите там внизу к окну, я прыгну через него в седло.

Вайтхолд посмотрел на окно, на меня, снова на окно.

– Но... как?

Я сказал с грустью:

– Да, эпоха больших окон еще не пришла.

Внизу во дворе строгие голоса, бдительный сэр Ортенберг проверяет, что это за две повозки привезли непонятное

из монастыря блаженного Агнозия. Выгружать начали под охраной, а также, как я понимаю, будет еще проверка со стороны бдительного Теда, охраняющего эту часть дворца, где мои покои.

Я понаблюдал сверху, как вытаскивают странные каменные колеса, – чудными делами занимаются в монастыре монахов-механиков, что, конечно, не совсем монахи, во всяком случае, Ватикан вряд ли про них что-то решит в ближайшее время.

Под той же бдительной охраной занесли наверх и начали снимать доски пола, а также долбить стену в кабинете. Я сказал всем, что, раз это помещение теперь мое, я не хочу, чтобы его называли гиллебердовым, а то даже сам так иногда зову, потому вот небольшой ремонт, пол перестелем, стены чуть поправим и новые гобелены повесим...

В тот же день такая же разобранный на части установка направилась в дальний путь: две недели на доставку груза из монастыря через все Турнедо, затем Армландию, Тоннель, по королевству Сен-Мари к городу Геннегау. Обычно на такую дорогу требуется два месяца, но монахи не сомневаются, что я пришлю людей на рытье котлована немедленно, потому постараются доставить ценный груз как можно быстрее.

– Я дам охрану, – пообещал я. – И вообще любую помощь в перевозке!

Аббат Дитер тонко улыбнулся.

– Ваша светлость, если ваша охрана способна передви-

гаться с такой скоростью, как наши тяжелогруженные телеги, мы будем рады любой помощи!

Я нахмурился.

– Увы... Моя охрана скачет без всяких штук. Но вам в самом деле ничего не грозит в дороге?

– Грозит многое, – ответил он, – но мы справимся. Ваша милость, напасть могут только простые грабители!

Он сказал с таким пренебрежением, что я сразу понял: от грабителей останется разве что пепел на ветру.

Победителю сходит с рук если не все, то очень многое. Я распорядился послать две тысячи человек на рытье котлована, объяснив это мерами укрепления обороноспособности королевства, одновременно отправил туда обоз с продовольствием, вино и выделил на оплату солидную сумму.

Мелькнула мысль, что вообще-то я свинья. Если кто-то на троне тут же начинает грести под себя баб и менять фавориток чаще, чем перчатки, то я все равно не лучше, если посылаю тысячи человек работать на себя лично. Может быть, фаворитки обошлись бы казне дешевле!

С другой стороны, все-таки делаю это не для того, чтобы прыгать по бабам или воровать бриллианты. Этому огромному и весьма нелепому образованию, в котором и южное королевство Сен-Мари, и северные земли Турнедо, остро нужны коммуникации, связи, постоянный обмен товарами, людьми, идеями, только тогда удастся удержать от центробежных стремлений.

Когда плотники настелили новый пол над мозаикой из камней, покрытых рунными символами, а на стене повесили роскошный гобелен, закрывающий еще один камень неизвестной породы, мастер Дитер попросился ко мне на прием снова; я работал в соседней комнате и терпеливо переносил весь этот строительный шум и грохот.

– Ваша светлость, – произнес он с удовлетворением, – установка закончена. Позвольте показать?

– Позволю, – ответил я. – Идемте.

Кабинет выглядит почти так же, только отмыт и вычищен до блеска, пол застелен роскошным ковром, а на стене большой гобелен с суровыми сценами благородной мужской охоты на свирепого вепря.

Мастер Дитер протянул руку и указал пальцем на пол с таким уверенным видом, что я почти увидел светящуюся указку в виде луча.

– Как вам вот та многолучевая звезда в центре ковра?

– Эkleктика, – ответил я. – Смещение стилей. Я бы сделал попроще.

Он кивнул.

– У вас есть чувство вкуса. Но, увы, это не узор, как вы догадываетесь.

– Да уж, понимаю...

– Там и встанете, – пояснил он. – Точность нужна не слишком, просто не выходите за пределы ковра.

– Когда могу пользоваться? – спросил я.

– Как только соберут такую же на другом конце маршрута, – ответил он. – Через две недели будет на месте.

– Я ее встречу там, – пообещал я.

Он поклонился, продолжая рассматривать меня уже откровенно пристально и бесцеремонно.

– Ваша светлость... мне почему-то кажется, вы не новичок в общении с некоторыми как бы магическими штуками...

Он сделал некоторое ударение на слове «магическими», я понял и сказал мирно:

– Которые вы вовсе не считаете магическими, верно?

Он скупно улыбнулся.

– Как и вы.

Я пожал плечами.

– Работа механики высшего класса, что уже и не механика, неотличима от колдовства, верно?

Он хитро прищурился.

– Очень точно. Потому вам не нужно выучивать сложные заклинания. Просто станете на звезду и скажете: «Пуск».

– Только и всего? – спросил я.

– Да.

– Но как же... это слишком просто!

Он покачал головой.

– Вы так думаете?

– А если кто-то подсмотрит и тоже...

Он ответил с усмешкой:

– Ничего не произойдет.

– Почему?

– Уже настроено только на вас, – ответил он загадочно. –

А как... нужны ли вам долгие и скучные объяснения?

Я подумал, махнул рукой.

– Нет. Тем более что даже ваши будут основаны на догадках, не обижайтесь, далеких от истины. Хорошо, мастер Дитер! Рабочих я уже послал к вашему монастырю.

Он поклонился.

– Их размещают рядом с местом работы. Пока что строят бараки для жилья, кузницу, кухню, а копать начнут, когда будут обеспечены всем необходимым для жизни и отдыха.

– Спасибо, мастер Дитер!

– Не за что. Мы тоже заботимся о тех, от кого зависит наше благополучие.

Мне почему-то кажется, что жизнь во дворце закипает, когда я прибываю и начинаю наводить шорох, а в остальное время все как бы замирает, что не есть хорошо. Спасибо Гиллеберду, выстроил такую систему, что все колеса крутятся, но все равно нужно в них разобраться, чтобы в случае сбоя сразу же поправить, а не бегать с воплями и не рвать на себе волосы.

Во дворце что-то совсем уж маловато моих армландцев, все-таки им доверяю больше. Впрочем, турнедцы тоже работают как муравьи-фуска, которые не обращают внимания,

что их царицу убили пришельцы и теперь в царской камере поселилась другая вообще другого вида и цвета, все равно трудятся и носят ей корм.

По ночам меня начали тревожить недобрые сны, чего раньше не случалось уже давно, обычно сплю как бревно, хорошо хоть пока мальчишки кровавые не снятся, но все равно, разделившись с самыми срочными делами, собрал армландцев на короткий пир перед отъездом.

– Лорды, – сказал я громко и поднял кубок с вином, – давайте отметим успешное окончание войны! Она победная, да, можем гордиться. Но победу нужно еще удержать!

Барон Саммерсет, как представитель наиболее родовитой армландской знати, поднялся на другой стороне стола и красивым жестом вскинул кубок выше головы.

– Ваша светлость, – сказал он преданно, – вы вернули Армландии честь и достоинство! Мы пойдем за вами всюду в победах и поражениях, в бедах и радости!..

Сэр Клемент добавил резким голосом:

– У вас нет и не будет более преданных людей, чем мы, ваша светлость!

Я поклонился, поднес к губам кубок и долго пил, все смотря и ждут, ибо никто не смеет прикоснуться к вину, пока сюзерен не выпьет и не сядет, а я, осушив наконец до дна, сказал с облегчением:

– За наши победы!

В зале люстры задрожали от громового «ура». Я погляды-

вал с царственной улыбкой, выжидал, когда сожрут мясо и поговорят между собой, гордясь подвигами и приобретениями, поднялся и сказал твердо и решительно, чтобы в корне пресечь всякие неуместные вопросы:

– Продолжайте пир, но не спалите дворец... да и столицу! Ладно, шучу... Я выеду навстречу наступающим войскам короля Барбароссы и Найтингейла. В мое отсутствие бдите здесь и работайте не покладая рук. Если кто где вдруг, то быстро и сразу, поняли?

Барон Саммерсет ответил за всех:

– За нас не беспокойтесь, ваша светлость, а вот вам понадобится бы отряд сопровождения!

Я сказал с тоской:

– Опять эта песня...

Виконт Рульф заметил хмуро:

– Не цветочки собирать едете, ваша светлость.

Сэр Геллермин уточнил:

– Короли любят, чтобы к ним относились с почтением. А если прибудете вот так, без никого...

Я ощутил, что он вообще-то прав, но постарался сделать свой голос громким и уверенным:

– Я с ними уже давно дружу, оба ко мне привыкли именно к такому, бессвитовому. Если приеду с большим отрядом, обеспокоятся и начнут ломать головы, что я такое задумал? В общем, я ненадолго.

Сэр Вайтхолд смотрел на меня с беспокойством, а когда я

в удивлении поднял брови, он пояснил:

– Вам нужно договариваться с ними, чтобы остановились на заранее намеченных границах... Но короли есть короли, у них власть и армия. Никто не сможет остановить, если захотят продвинуться дальше.

За столами лица у всех посерьезнели, даже налитые до краев чаши и кубки не согнали с лиц тени тревоги.

Сэр Геллермин обронил веско:

– Благороднейший сэр Вайтхолд прав... как мне кажется.

Я решительно возразил:

– Бросьте! Король Барбаросса, как и Роджер Найтингейл, – рыцари. Они всегда свято держат слово.

– Перед всеми? – спросил сэр Вайтхолд.

– Вроде бы да, – ответил я. – Во всяком случае, меня не обманывали. Но даже если бы не подписали договор, – а они подписали, – и тогда бы держались достойно! Не волнуйтесь, они в самом деле друзья. Наши друзья.

Рульф пробормотал:

– Да, но... пирог больно лакомый.

– Нет, – сказал я резко, – они были рыцарями и останутся рыцарями. Корона портит... не всех.

Я видел, как они посмотрели на меня очень внимательно, затем Рульф сказал за всех:

– Возвращайтесь поскорее, ваша светлость. Мы не уверены, что в этой громадине что-то да не сломается.

– И что сможем починить без вас, – добавил барон Сам-

мерсет.

Глава 6

Во дворе конюхи вывели Зайчика, он что-то пережевывает на ходу, из пасти летят искры. Бобик радостно распрыгался вокруг, лорды вышли меня проводить, кто-то поправляет попону, кто-то услужливо держит стремя.

Подбежал молодой парень в потертой одежде королевского лучника, я узнал гонца, что привез новости о замке Сворве в Армландии. Он сорвал шапку и низко поклонился.

– Ваша светлость?

Я кивнул.

– Говори.

Он спросил просительно:

– Помните, вы запретили мне поступать в королевскую армию?

Я ухмыльнулся.

– Надеюсь, ты так и поступил?

Он сказал серьезно:

– Да, я честный человек. Но, ваша светлость, а теперь можно?

– Что? – не понял я. – Королевской армии больше нет!

Он сказал хитренько:

– Я имел в виду вашу армию.

Я расхохотался. Мои лорды тоже довольно заулыбались, я покачал головой.

– Я не король.

– Но будете же, – сказал он убежденно.

Я не успел ответить, виконт Рульф вытащил из кошелька монету и бросил ее лучнику. Тот ловко поймал.

– Будет, – заверил сэр Геллермин, и остальные довольно закивали, – и ты вступишь в нее. Скоро!

Зайчик ринулся с места так стремительно, что у меня едва не оторвалась голова, вот уж не думал, что такая тяжелая, видно, в ней мысли, мысли надежные, государственные, а не какие-то поэтические...

Ветер засвистел в ушах и начал выворачивать веки, едва выметнулись за ворота Савуази. Я поспешно пригнулся, укрываясь как надежнейшим щитом мощной гривой, и только иногда поглядывал шурясь, узнавая места, по которым меня несет как брошенного мощной катапультой.

В одном месте проскочил, едва не стоптав стадо гусей, между двумя селами, пронесся по кромке пруда, но уловил за камнями, мимо которых пронеслись, странный серебристый блеск, трепещущий, как крылья испуганной бабочки, что никак не решит, безопаснее взлететь или остаться.

Рука моя сама по себе придержала Зайчика, я всмотрелся, свет прерывается, возникает снова, слишком похожий на разряд молнии, причем – идущий странно горизонтально...

– Бобик, – велел я, – сидеть, морда толстая. Зайчик, подожди меня здесь, присмотри за этим непутяшкой...

Он фыркнул недовольно, а я, покинув седло, заспешил,

стараясь двигаться бесшумно, к странному месту.

Камни, к счастью, не грохочут под моими сапожищами, я вскочил на вершинку гребня и увидел, как шагах в пяти от меня некто в черном плаще с капюшоном на голове время от времени вытягивает руки вперед, а там, в сотне ярдов от нас, в густой зеленой траве, мужчина только что перехватил ножом горло убитого стрелой оленя и начинает снимать шкуру.

Я подкрался неслышно, приставил острие меча к прикрытой капюшоном шее мага и сказал негромко:

– Даже не дыши, подлая тварь!.. А теперь поворачивайся ко мне... медленно и даже очень медленно...

Он вздрогнул, потом застыл, а когда я чуть надавил острием в то место, где шея соединяется с черепом, вздохнул и начал поворачиваться.

Я держался настороже, готовый к любой неожиданности, но невольно вздрогнул, увидев прекрасное женское лицо, молодое и со скорбными глазами. Светлые локоны опускаются из-под капюшона на плечи и грудь.

– Ведьма, – определил я. – Сними клобук.

Я не опускал меч, острием направленный теперь ей в горло, а она медленно подняла руки, капюшон упал на спину, золотые волосы засияли во всем блеске. В больших голубых глазах страх, но нет паники, а скорее, я бы сказал, непонятная вселенская печаль.

– Ты его хотела убить? – спросил я.

Она ответила негромко:

– Нет.

– Не верю, – сказал я зло. – А что ты делала?

Она ответила почти равнодушно:

– Все равно убьешь, разве не так?

– Я хочу знать, – отрезал я, – за что!

Она чуть поморщилась.

– Ну... за преступную любовь... Это сэр Каниг, мы с ним играли еще детьми... Родители обещали нас поженить, когда вырастем, я уже тогда в него влюбилась...

Она умолкла, я спросил настойчиво:

– И что дальше?

Она ответила с болью в голосе:

– Его взяли оруженосцем к герцогу Бреддеру, там он был через несколько лет возведен в рыцари. А когда собирался возвращаться, к герцогу приехала из столицы его племянница. Он был очарован этой ведьмой, потерял рассудок, забыл обо мне и о возвращении...

Я переспросил:

– А она точно его околдовала с помощью черной магии?

Она не сказала сразу же, что да, именно так, а как же, что я и ожидал, однако запнулась, потом произнесла тихо:

– Я так решила... ибо чем еще как не черной магией можно объяснить? Хотя говорят, мужчина может за одну минуту забыть прошлую любовь и увлечься другой женщиной... Я в это все еще не верю...

Я пробормотал:

– Ну, это зря.

– Что, – спросила она отчаянным голосом, – вы так можете? Почему?

Я наконец опустил меч, а затем, подумав, со стуком бросил его в ножны.

– К сожалению, леди, – сказал я деревянным голосом, – иногда что-то в нас происходит. Отворачиваемся от красивых и верных, бросаем свои души под ноги дурам и шлюхам.

Она как будто и не заметила, что минуту назад у ее горла был острый клинок, а теперь исчез.

– Неужели это правда?

Голос ее был полон отчаяния. Я ощутил себя как уж на сковородке, не могу смотреть в ее чистые честные и такие страдающие глаза.

– Леди, – пробормотал я, – лучше вам не баловаться с этой магией... Она ведь тоже не белая. Белой не бывает, все это черное и нечестное.

Она опустила голову.

– Милорд, я совсем потеряла голову от отчаяния.

– Подумайте, – предложил я, – если бы ваша попытка удалась? Он бы женился на вас...

– Да...

– Но разве вы бы забыли, – продолжал я, – что он одурманен вами, а любит другую? Что вы его держите в плену?.. Это нечестно, и вы себя будете грызть всю оставшуюся жизнь. Я же вижу, вы человек хороший, а хорошие люди почему-то

совестливые.

Она прошептала:

– Моя магия не действует на него... наверное, сама не хочу, чтобы полюбил меня против воли...

– Просто он толстокожий, – предположил я. – Мы вообще как-то мало чего чувствуем в этой тонкой области... В общем, леди, доброго вам дня, я откланиваюсь, так как весьма... это... спешу!

Она сказала с тоской:

– Вы же паладин? Так убейте меня...

– За что?

– За колдовство...

– Вся любовь, – сказал я мрачно, – колдовство. Ка-а-ак прыгнет, бывает, когда и не ждешь, не знаешь, что и делать! А когда ждешь – не приходит, сволочь, где-то прячется. Или на другого посматривает...

Она спросила с отчаянием:

– Вы так меня и оставите?

– Как?

– Ну... не убив? Вы же должны искоренять колдовство?

– А так будете мучиться дольше, – сказал я твердо. – И жизнь не покажется... э-э-э... раем. И все-таки, леди...

Я заколебался, она спросила с надеждой:

– Что?

– У кого была пусть самая несчастная и безответная любовь, – сказал я невесело, – все равно неизмеримо богаче то-

го, кто вообще не любил, не страдал, у кого не рвалось сердце от ревности и боли.

Я попятился, поклонился еще раз, повернулся и, провожаемый ее удивленным взглядом, побежал к Зайчику. Они с Бобиком бросились навстречу, я вскочил в седло и поскорее послал его дальше от места.

Бобик знает дорогу или уверен, что понял меня правильно, — несется так, что, если не останавливать, догоним только в Геннегау. Места, не затронутые войной, и только когда запахло Армландией, ощутилось недавнее скопление большой массы вооруженных людей на ограниченной площади: все вытоптано сапогами и копытами, везде пятна выжженной земли, пепел и зола, а дальше утоптанная до плотности камня земля, где прошла тяжеловооруженная рыцарская конница.

Бобику все войны и конфликты неинтересны, он знает, что жизнь прекрасна и удивительна, мчится красивыми прыжками, подпрыгивает на бегу, хватая широко раскрытой пастью бабочек — не так летают, дуры, — выпугивает из высокой травы птиц — а чего тут разгнездились без разрешения, — насмешливо оглядывается на Зайчика, попробуй догони, лоссяра...

В какой-то момент он насторожил уши и на бегу повернул голову. Я уже знаю этот жест, придержал Зайчика, до слуха долетел лязг мечей, злые возгласы, затем отчаянный женский крик.

Первой мыслью было правильное: чего, дура, полезла в глухой лес? После чего я должен бы продолжить путь, уже не дурак – искатель приключений, мудрый местами правитель, но руки сами повернули арбогастра в ту сторону.

Пес ринулся туда первым, арбогастр сделал мощный прыжок, проламываясь сквозь высокую зеленую стену кустарника, и я успел подумать со стыдом, что все-таки я другими местами еще дурак...

На открытой площадке между редкими деревьями-великанами двое мужчин деловито связывают брыкающуюся женщину, я успел увидеть распушенные дико красные волосы, еще двое переворачивают мужские тела в простой одежде, что распростерлись в лужах собственной крови, а четверо оседланных коней отбежали в сторону и смотрят с вялым интересом.

На треск кустарника все замерли, но мечи обнажили только двое, а те, что с женщиной в руках, остановились и, держа ее крепко, смотрят настороженно и злобно.

Бобик сел в сторонке мирно, замер, а то погоню обратно, на него покосились сперва, тут же перевели хмурые взгляды на меня.

– Эй, – сказал я весело, – а что тут происходит?

Один прорычал злобно:

– Езжай, куда едешь. И собаку свою плешивую убери.

– Ого, – сказал я, – за собаку ты мне ответишь, морда тупоносая. Объясняю еще раз – я хозяин этих мест. Потому

повторяю вопрос: что... здесь... происходит?

Тот же один сказал мрачно:

– Тебе сказали, убирайся подобру-поздорову.

– Ответ неверен, – сказал я. – И слишком груб.

Оба не ждали, что я успею выдернуть меч с такой скоростью и одновременно пошлю вперед коня. Зайчик сшиб одного грудью, второй пытался отклониться, но я без труда достал его лоб кончиком клинка.

Мы пронеслись вперед, развернулись. Сбитый с ног старается подняться, но падает на локти, а те, что с женщиной, переглянулись и, бросив ее на траву, выхватили мечи.

Я неторопливо слез с коня, похлопал по крупу, чтобы отошел: мужчинам нужна арена для выяснений, кто тут альфа, а кто просто самец.

– Спрашиваю еще раз, – сказал я, – что здесь происходит?

Один из тех, кто держал женщину, сказал резко и повелительно:

– Вы здешний лорд? Просто забудьте о том, что видели. Езжайте по своим делам. Не хочу обидеть, но здесь силы, с которыми задираться не стоит никому.

Я проговорил медленно:

– Я вообще-то как бы тоже сила... Сложите оружие и склоните головы. Может быть, я вас и помилую...

Они смотрели на меня неотрывно, третий тем временем уполз в сторонку, я усилил запаховое – ага, подкрадывается, дурак, со спины, хотя его выдает и шелест травы под сапо-

гами, и хруст песка, не говоря уже о тошнотворном запахе чеснока.

Тот, что с мечом в руке над лежащей женщиной, сказал громко, явно стараясь, чтобы я смотрел только на него и слушал его:

– Лучше ты признай нашу силу и...

Я резко развернулся, полоснул мечом не глядя. Успел увидеть боковым зрением, как стальная полоса клинка красиво прошла строго горизонтально по короткой шее, в следующее мгновение уже стою лицом к этим двум, оба начали даже улыбаться, сволочи...

– Итак?

Они заорали и ринулись как два дурака, кривляясь и делая угрожающие движения. Сердце мое стучит часто и мощно, изнутри прямо прет, эти оба двигаются так медленно, словно выползают из клея. Я рубанул одного по дурной голове, от удара второго уклонился, он провалился мимо, я ударил вдогонку и услышал хруст черепа, будто проломил скорлупу яйца дракона.

Женщина дергается в путах, во рту белеет туго свернутая тряпка. Я неторопливо подошел, подумал, развязать сперва или выдернуть кляп, решил сначала избавиться от веревок, пусть помолчит, пока могу вот так, а когда выдернул наконец эту грязную тряпку, изумился, сколько ее вошло, целая простыня, ну и глотка, просто чудо.

– Какие же сволочи, – прохрипела она люто. – Убили моих

слуг... Тьфу!.. Вообще-то спасибо.

– Вполне уместно, – согласился я. – Я всегда за это «вообще-то спасибо» тружусь как пчелка. Что-то ваши слуги одеты лучше вас... гм... леди.

Она смерила меня надменным взглядом, никакой благодарности, кроме формального «спасибо».

– И что?

– Да так, – сказал я, – наводит на размышления.

– Какие?

– Это ваши кони?

Она оглянулась.

– Не все.

Я кивнул.

– Кладу голову, что смогу сказать, какие из них чьи. Хотя не понимаю...

Она поморщилась.

– Чего?

– Зачем вам кони? – поинтересовался я. – Разве не проще на метле? Или вороны клюют в полете?

Она посмотрела с холодным достоинством.

– Намеряете, что я ведьма?

– Это и так видно, – сообщил я, – без всяких намеков.

– Откуда видно?

– Во-первых, – сказал я, – рыжая, а это самые опасные ведьмы, прирожденные, во-вторых, зеленущие глаза, а в-третьих... женщины все ведьмы.

Она поморщилась.

– Чувствую грамотного, вы ведь грамотный?

– Только крупными буквами, – признался я скромно. –

И чтоб с картинками. Ладно, леди, я вроде бы вам чуточку помог, за что получил чуточку спасибо, а теперь прощайте и будьте здоровы...

Зайчик подбежал на свист, женщина покосилась на этого красавца из блестящей черноты.

– У вас неплохой конь. Сколько за него хотите?

– Вы столько не стоите, – сообщил я любезно.

Зайчик подставил бок, я вскочил, не касаясь стремени.

Женщина торопливо вскрикнула:

– Погодите! Вы не можете меня оставить вот так!

Я галантно улыбнулся.

– Леди! Еще как смогу.

Она закричала:

– Да погодите же вы! Я хорошо заплачу.

– Мои услуги не продаются, – сказал я гордо. – Больше за «спасибо» работаю, но это когда вожжа под хвост попадет, а такое бывает редко.

Она сказала настойчиво:

– Я вам заплачу очень хорошо!

Я смерил ее оценивающим взглядом.

– Глядя на ваше оборванное платье, можно предположить, чем вы намерены расплатиться. Но для меня это слишком мелкая монета.

Мне показалось, что ее щеки покраснели от стыда, но сказала она с еще большей настойчивостью:

– Не судите по платью! Я переделалась, чтобы оставаться неузнанной. Я королева Мезины Ротильда Дрогонская!

Я оглядел ее критически.

– Да ну?

Она сказала резко:

– Что не так? Не похожа?

– Ничуть, – сказал я.

– Чем же? – спросила она.

– Красивая слишком, – буркнул я.

Она вскинула брови, в глазах отразилось великое удивление.

– И чем это мешает?

– Королева должна быть умная, – пояснил я. – А господь два горошка не кладет в одну ложку. Королева еще должна быть хитрая, коварная, подлая, эгоистичная, злобная, подозрительная...

Она сперва было соглашалась – видно по глазам, – потом в какой-то момент решила, что достоинств слишком много, поморщилась.

– И все-таки я королева!

– И что королева Мезины делает в Турнедо? – спросил я. – Не боится быть арестованной за топтание чужой земли?.. Крестьянину еще сойдет, он же дурак, а если действительно королева, то это наглое и неспровоцированное вторжение!

Можно сказать, акт агрессии без объявления войны, предательское нападение, что возмутит всю мировую общественность...

Она проговорила уже с нерешительностью, видя, что ее титул на меня не подействовал:

– Может быть, вы слезете с коня?.. Я могу, конечно, путешествовать одна, но было бы лучше, если бы меня немного проводили...

Глава 7

Я подумал о Турнедо, Савуази, противостоянии держав, кризисе веры, ломке культур, падении нравственности, усилении рыночных отношений, неизбежном столкновении с могучим и таинственным Югом... и медленно сполз с Зайчика, продолжая отчаянную борьбу с самим собой.

– Меня зовут Ричард, – сказал я, – не король, конечно, а простой рыцарь, что пытается жить правильно.

– Рада познакомиться, сэр Ричард, – произнесла она с надменностью. – Ничего страшного нет, что у вас нет великих предков.

– А я сам великий предок, – сказал я нагло.

Она чуть-чуть растерялась, но сказала так же уверенно:

– Я верю в это!

– Неплохо вас учат, – буркнул я. – Давайте уберемся отсюда, а то мешаем бедным зверькам кушать...

Она покосилась на кусты, откуда выглядывают лисьи мордочки; она наверняка узнала родственниц, зябко повела плечами.

– Да, конечно.

Я готовился помочь ей влезть в седло, но она поднялась сама, причем достаточно легко, и, самое главное, села по-мужски, а не свесив обе задние конечности на одну сторону, что выглядит ах-ах так мило и беспомощно женственно.

– Не хотите ли что-то взять? – спросил я и кивнул на убитых. – Двое из них ваши слуги?

Она мотнула головой:

– Не совсем. Я их наняла сегодня утром на постоялом дворе, чтобы проводили через эти земли. Женщина, путешествующая одна, слишком привлекает внимание.

– А-а-а-а...

– А эти четверо, – сообщила она холодно, – просто посланы перехватить меня, если получится.

Я кивнул:

– Да, тоже не те, которых обыскивает королева.

Она посмотрела на меня внимательно.

– Но можете пошарить в их карманах вы.

Я поклонился:

– Спасибо за разрешение, леди Ротильда. Но меня это тоже не весьма зело заинтересовало...

Она сказала холодно:

– Ко мне правильнее обращаться как к Вашему Величеству.

Я кивнул:

– Согласен. Когда получу подтверждение, тогда да, весьма. С интересом. Я вообще-то весь интересный!

Остальных коней я собрал и, связав поводья, повел следом; так проехали с полмили, после чего на первой же приличной поляне остановился, велел Бобику принести чё-нить, а сам подошел к рыжеволоске и протянул руки, однако она

соскочила чуточку мимо, подчеркивая независимость и способность обходиться без мужчины... хотя бы в этом случае.

Я хмыкнул, разжег костер и, пока она, отвернувшись, подкалывала пышные волосы шпильками и подвязывала ленты, расстелил скатерть и быстро заполнил деликатесами, начиная от дивно приготовленных карбонатов и стейка и заканчивая десертом.

Она подошла, глаза стали круглые, как у кракена.

– Ничего себе!.. Что за мужчина, что возит с собой такое?..

Я ощутил, что уела, сказал смиренно:

– Было видение, что встречу вас. Вот и постарался.

– Беру вас поваром, – заявила она, еще только принявшись. – Какие дивные запахи!.. А это что?.. А это вот?

– Все съедобно, – заверил я. – Жрите вволю, моя королева, если вы королева, – потом расскажете, как это королева Мезины очутилась в Турнедо. Потому что если у вас нет разрешения на транзит через королевство Турнедо, то к вам применимы санкции.

Она сделала удивленные глаза.

– Ой, вы такой умный... Такие слова запомнили! У вас голова от них не болит?.. С чего это вы такой заботливый о том, на что местный король не обращает внимания?

– Вы правы, – согласился я, – здешний король уже ни на что не обращает внимание. А нынешнему правителю до всего есть дело! Говорят, лезет во все дыры как дурак какой,

хочет мир спасти... По-своему, конечно. Только ему одному понятным способом... Если вы не хищник, мясо не потребляете, то вот рыба... правда-правда, это рыба, хоть и странная, согласен! Филе. Пробуйте сыр...

Она осторожно взяла ломтик тонко нарезанного мяса, полукриво закрыла глаза, вдыхая нежный аромат.

– Как странно, – произнесла она и тут же, вернув себе деловой тон, сказала резковато:

– Конечно, нынешний дурак!

– Вы слышали о нем?

– Нет, – призналась она. – Знаем только, что король Гиллеберд двинул на север свою победоносную армию, чтобы включить в состав Турнедо эту провинциальную и дикую Армландию.

– Хорошие слухи, – согласился я. – Узнаю пропагандистский стиль. Значит, новость, что крохотная Армландия включила в свой состав две трети Турнедо, дойдет до вас в следующем году...

– Ого! А как это случилось?

Я отмахнулся.

– Это политика, милая леди... Вы ведь милая? И в самом деле леди?.. Ладно-ладно, я только спросил. Не пугайтесь, это такие пирожки, хоть и непривычные с виду, но не везде же готовят так, как в Мезине!

Она медленно потребляла мясо ломтик за ломтиком; в самом деле королева, хоть и проголодалась и вообще хочет со-

жрать быстро и с чавканьем, так всегда вкуснее, но сдерживается, следит за каждым своим жестом и словом.

Я спросил невинно:

– Так как вы очутились здесь?

– А вот захотела, – отрезала она независимо, – и поехала напрямик! Вам-то что?

– А у меня ностальгия, – ответил я, – и запоздалая любовь к этим сгинувшим майя и ацтекам из Турнедо. Это всегда так. Сперва побьешь, камня на камне не оставишь, а потом начинаешь придумывать, какие они были великие, мудрые, справедливые, замечательные, календарь составили, конец света предрекают, мудрые...

– Вы это уже говорили, – прервала она в нетерпении, – заговариваетесь, сэр.

– Это я при виде вас, – ответил я нагло, – вот смотрю и думаю...

– Ах, еще и думаете?

– Ну да, – подтвердил я, – может, мне поговорить с вами хочется, а не о чем! О чем, скажите на милость, с вами можно говорить?

Я прошелся выразительным взглядом по ее фигуре, останавливаясь на выпуклостях, а впуклости пока пропуская. Она не смутилась, напротив, нахально выпятила с таким видом, мол, смотри, облизывайся, это все, что тебе доступно, но не больше.

В ее руке хрустящий вафельный рожок с воздушным кре-

мом, залитым шоколадом, пахнет сладко, но непривычно, и она сперва нюхала, потом осторожно трогала кончиком длинного острого языка...

– На мою власть, – произнесла она с вызовом, – посягнули! Мой муж, король Гергент Великий, умер год назад. С того времени я правила одна, и все было хорошо. Но могущественные кланы Голдвина Адорского и Теодена Фолькийского с помощью канцлера Фреалафа начали интриговать, собирать силы и наконец пригрозили, что если не выйду замуж за кого-то из их вождей, то они свергнут меня...

Я спросил с интересом:

– И что, за кого вышли? За самого слабого?

Она посмотрела на меня дикими глазами.

– Что за дикость?

– Ну, в этом есть резон...

– Зачем женщине слабый муж?

– Чтобы держать под каблуком, – пояснил я, – вить из него веревки, сидеть на шее, угнетать и эксплуатировать...

Она в возмущении даже опустила руку с пирожным.

– Сидеть, – объяснила она резким голосом, – на шее можно только у сильного. Потому я, конечно, отвергла их всех.

– Сильная женщина, – пробормотал я. – Вообще-то таких и я боюсь. Ну ладно, побаиваюсь. У вас характер, уважаю. И что... свергли?

Она сказала погасшим голосом:

– Я не думала, что решатся на открытый мятеж! Но они

рискнули. Я, правда, подстраховалась, и едва начали вводить войска в Баллимину, это моя столица, переделалась и тайным ходом выскользнула из города.

– Без охраны?

Она пожала плечами и снова поднесла наполовину сгрызенный рожок ко рту.

– С охраной меня бы давно настигли.

– Верно, – согласился я. – Но и без охраны, как вижу...

– Все равно, – сказала она, – одной легче проскочить незамеченной. С отрядом я бы даже сюда не добралась.

– А почему именно сюда? – проговорил я. – Турнедо – не самое гостеприимное место. Здесь и народ какой-то волчистый. С той стороны Мезины, если не ошибаюсь, Трангефт?

Она кивнула.

– Да. Небольшое, но сильное королевство.

– Так почему?

Она вздохнула.

– Из моего дворца, если прямо на запад, можно попасть прямо в Истанвил, столицу герцогства Ламбертиния.

– И что там?

– Герцог Эсмунд Блекмур. В ожидании мятежа я послала ему письмо, что еду к нему, и просила выехать срочно на встречу.

Она смотрела мне прямо в лицо, чтобы я не заметил никаких признаков смущения, и я не заметил, за исключением излишней твердости взгляда и подчеркнуто ровного голоса.

– Союзник?

Она пожала плечами.

– Нет, но однажды мы виделись на рыцарском турнире, он вышел победителем, а меня избрал королевой красоты. С тех пор прошло три года...

– Сочувствую, – сказал я, затем поспешно поправил себя: – Завидую, хотел сказать. Вы не подумали, что он мог за это время жениться?

На ее губах появилась грустная улыбка.

– Много раз. Но мне больше деваться некуда. Страна в руках мятежников!.. Надеюсь, вы все-таки поможете слабой беспомощной женщине? Я, конечно, послала герцогу весточку, что лечу к нему. Надеюсь, он ее получил.

– Уверен, – сказал я, – герцог все так же влюблен и мчится сюда со всех лошадиных ног. Если он ухитрился избрать вас королевой турнира, то таких женщин не забывают...

Она спросила настороженно:

– Почему?

Я пожал плечами.

– Потому что вы... достаточно необычная. Другие хваленые красавицы... как бы сказать помягче, не обидеть весь ваш странный род, за рупь кучка или на монету пучок... Их забываем на другой день или путаем с такими же типовыми.

Она посмотрела на меня исподлобья, еще не веря, что я отпустил комплимент.

– Ну спасибо...

Затрещали кусты, Бобик выметнулся, как огромный бетнуар, в пасти – крупный молодой гусь. Я почесал за ушами, он довольно хрюкал, но я шлепнул по заднице и велел принести еще рыбы.

Он счастливо взбрыкнул и унесся. Леди Ротильда проводила его задумчивым взглядом.

– Как же собаки обожают служить и быть полезными... Они тогда счастливы. Почему люди не такие?

– Потому они и люди, – сказал я. – Вы, как королева, конечно же, потрошить гуся не умеете?

– Умею, – ответила она неожиданно для меня. – Я часто сопровождала мужа, когда он выезжал с друзьями на охоту, умею даже оленя разделывать. Только шкуру снимать не люблю.

– Вы удивительная женщина, – сказал я. – Дураки они, что пытаются вас сместить.

– Я только не понимаю, – сказала она задумчиво, – зачем еще и гусь? Вы не налопались этими чудесами?

Я развел руками.

– Поймали... Это как-то вроде положено, принято, так делается. Но если вы сыты, то пусть гуся сожрет мой щеночек. Нужно только поджарить малость, он просто обожает, когда ест, как человек...

– Балуете, – заметила она, но без явного неодобрения.

– Еще как, – согласился я. – Я его люблю, он любит меня. По-настоящему, а не так, как все эти лживые женщины...

– Мужчины не лучше, – отпарировала она.

Каюсь, все время борюсь с соблазном выпятить грудь и сказать, что я и есть тот самый сокрушитель всемогущего Гиллеберда, а эта часть Турнедо уже моя, но это значит, что она может передумать и решить, что я более надежный покровитель, что, в свою очередь, как бы предполагает мое более активное участие в ее судьбе.

Ага, щас, мне только не хватает восстанавливать на престоле изгнанную корову! Вообще-то еще неизвестно, за что ее свергли. Может быть, она младенцев в ступе толкла и кровь их христианскую пила кувшинами?

– Если не встретим герцога, – сказал я, – то домчу вас до границы с Ламбертинией. Хотя нужно кроме земель Турнедо пересечь и королевство Шателлен, но там, к счастью, полоса всего в полсотни миль.

Она посмотрела на меня с благодарностью, хотя и старается держать царственный вид существа, которому все и так обязаны служить.

– Я благодарна вам, сэра Ричард... Поверьте, сумею заплатить.

Я буркнул:

– Вы это сделаете даже раньше, чем приедем на место.

Она отшатнулась, на лице появилось высокомерное выражение.

– Сэр Ричард... Я что-то вас не понимаю! Объяснитесь,

пожалуйста.

Я помялся, лучше бы такое без объяснений, все же предсказуемо, а с ними любое очарование теряется, сказал голосом старого мудрого ворона, что жил сто лет и всякого навидался в этом лесу:

– К сожалению, мир не меняется, леди Ротильда. Как и люди. Я вам очень не нравлюсь, как и я вот побаиваюсь вас, а это значит, что нас будет тянуть друг к другу все сильнее, ибо противоположности сходятся. Почему? Да не знаю, но так всегда!.. Сам удивляюсь. До Ламбертини уже рукой подать, но все равно мы вот-вот окажемся под одним одеялом. Произойдет это на отрезке между сорок пятой и сорок седьмой милей.

Она выглядела шокированной, но любопытство побороло, все равно спросила, хоть и с ледяным презрением:

– Почему именно между ними?

– Прикидка, – пояснил я. – Примерная. Можно бы и точнее, вплоть до ярда, а то и дюйма, но я такой осторожный, такой осторожный... С учетом вашего властного и скверного характера, моей высокой целомудренности, плохого питания и общей солнечной активности... это не может произойти раньше, но и позже... гм... как бы мы ни замучились с этой дорогой, но супротив природы не попрешь, потому что это я стойкий до дурости рыцарь, но вы же вообще черт-те что, вся из желаний и капризов, вам все дозволено, вы залезете ко мне под одеяло и скажете...

Она вскочила, глаза метали молнии.

– Что?.. Вы что-то размечтались, сэр Ричард! Да раньше реки потекут вспять...

Я вздохнул, развел руками – кто бы спорил, а я ни за что, – добавил в костер поленьев потолще, чтобы горело всю ночь, и лег с наветренной стороны, укрывшись одеялом.

Бобик посмотрел на меня внимательно и вместо того, чтобы лечь у ног, покрутился у Зайчика между копытами и с тяжелым вздохом бухнулся на землю.

Я принялся усиленно размышлять о статье подоходного налога, Турнедо богаче Армландии и Фоссано, народ выглядит всегда зажиточно, эта война вряд ли его разорила, так что можно подати держать слегка выше, чем в Армландии... А вообще-то в идеале, как и планировал, оставить те же, что и при Гиллеберде, как будто ничего и не случилось. Подумаешь, звали короля Гиллебердом, теперь Ричардом, какая народу разница? Лишь бы пиво не стало дороже.

Леди Ротильда поднялась, недовольно зыркнула в мою сторону, но я смежил веки и сделал вид, что сплю. Женское щебетание хорошо, но в меру, а эта не щебечет, а клюет, будто дятел, а я дерево...

Послышались шаги, край одеяла приподнялся, она скользнула под него и, встретив мой удивленный взгляд, буркнула:

– Ненавижу правила.

Глава 8

Я протянул к ней руки и попытался подгрести чисто нашим жестом альфа-собственника, но она сказала резко:

– Эй-эй, убери свои загребушие.

Я пробормотал ошалело:

– Но как же...

– А никак, – отрезала она. – Мало ли что под одним одеялом! Может быть, мне поговорить изволилось? О системах управления и взимании налогов? А правила – не для меня. Я – королева!

– Да, – согласился я, – короли выше грамматики! А уж королевы... Вы не храпите, Ваше Величество?

Она посмотрела дикими глазами.

– Королевы не храпят!

– Ну да, – согласился я, – а еще у них нет ног. Ну если не храпите и не лягаетесь, раз уж у вас нет задних конечностей, то позвольте я вас укурю получше, а то ночью похолодает... приподнимите это место, я одеяло подоткну, а вы прижмете этим местом, а то задувать будет. Я имею в виду, под одеяло...

Она молча сопела, пока я укрывал ее, с одеялом как-то не ладилось, недостаточно широкое, наконец начало получаться, но ей пришлось прижаться ко мне так, что почти залезла сверху, это все одеяло узковато; я начал расспрашивать

про военные силы королевства – она прорычала, что не мое шпионское дело, я спросил про экономику, но она не знает этого слова, а вот про обычаи начала нехотя, но рассказывать хвастливо.

Вечерний воздух еще теплый, а под одеялом стало даже жарко, она прижималась к моему боку мягкой грудью, и я слышал, как бьется ее сердце, все учащенное и мощнее.

Обычаи в ее пересказе странно путались, наконец она мощно лягнула задней ногой, словно кузнечик богомола. Скомканное одеяло улетело прочь, она отодвинулась и сказала раздраженно:

– Жарко!

– Пока да, – согласился я. – К счастью, комаров нет.

– А что, близко болото?

– Лес, – объяснил я. – Но пока этот слабенький ветерок, комары не появятся. Они только при полном безветрии...

Она видела, куда устремлен мой взгляд, но промолчала, только потянулась так сладко, что мои глаза стали еще шире.

– Вообще-то, – проговорила она предостерегающе, – мой герцог может появиться очень скоро.

Я пробормотал:

– Но я же нечего не делаю.

– Вот-вот, – сказала она язвительно, – а время идет!

Утром, пока она приводила себя в порядок и заново укладывала роскошнейшие волосы, я снова накрыл импровизи-

рованный стол всякими вкусами, полюбовался, отогнал деловитых пчел и бабочек.

Она оглянулась и охнула.

– Снова?

– Я вообще-то ничего не ем, – пояснил я скромно, – однако с красивой женщиной нельзя не есть, не пить, не безобразничать – не поймут-с...

– Как это?

– А так, – пояснил я и опустил глазки, – пойдут слухи всякие... Так что надо. Не хочешь, а надо. Чтоб соответствовать. Как же мы все зависим от мнения человеческого, и особенно общественного!.. Плата за то, что стали жить стадом, то есть дружным сплоченным коллективом... Возьмите этот сыр, он тает во рту. А этот шоколад вообще тает еще в руке...

Она все еще держится, хотя и ускорила немного, нижняя челюсть двигается чаще, а пальцы хватают новое лакомство до того, как проглотит очередной кусок.

– Уж простите, – сказал я, – что так по бедности. Сухой паек путешественника, так сказать... Никаких супов, борщей и похлебок из осетрины. У вас в королевском дворце даже слуги, наверное, кормятся лучше...

Она с трудом проглотила ломоть дивно приготовленной грудинки – уж и не знаю, как такую делают, аромат одуряющий, а на вкус так вообще, – просипела одурело:

– Да, у нас... ага... при дворе... а как же!

– Красиво живете, – вздохнул я.

Стараясь соскользнуть с опасной темы, она поймала взглядом Зайчика, тот выдрал мощный корень, толщиной с руку, и довольно жует, только мелкие щепки выпадают из пасти.

– Вы так и не расседлали своего коня?

– Я бываю таким невнимательным, – пожаловался я. – Нет чтобы с конем, да я с вами... Как не стыдно?

– Это я поняла, – обронила она холодно. –

– Что делать, – сокрушенно сказал я, – я, так сказать, типовой. Не шибко заморачиваюсь.

– Это могут себе позволить только государи, – сказала она язвительно, – и простолюдины. А воспитанные мужчины, да еще куртуазные...

Я вскинул руку, она мгновенно умолкла и застыла. В лесу, как подсказывает мне чутье, мы уже не одни. Нас засекли, нечто приближается – могучее и враждебное.

На конях выметнулись трое: два рыцаря, а за ними, чуть приотстав, на черном лохматом коне, похожем на некое чудовище, человек в черном плаще с надвинутым на глаза капюшоном.

Я ухватился за лук, но все трое несутся, как птицы с растопыренными крыльями, едва успел выхватить меч.

Они подали коней в стороны, чтобы я оказался между ними, однако я торопливо метнулся вбок, избежал просвистевшего рядом с ухом клинка, а сам ухватил наглеца за сапог и с силой дернул.

Всадник вылетел из седла и ударился о землю с такой силой, что зазвенел металл доспехов, а сам он вскрикнул тонким поросычьим голосом. Добить я не успел, второй развернул коня и ринулся с поднятым мечом.

Я отпрыгнул, отразил сильнейший удар, всадник остановил коня и рубит по мне сверху с силой и злобным хэканьем, будто дровосек раскалывает поленья, мой клинок наконец-то достал его по бедру, кровь ударила сильной струей, словно я рассек артерию.

Всадник закричал, я ощутил приближение того первого, что поднялся и теперь ковыляет ко мне, сильно припадая на правую ногу.

– Тебе мало? – заорал я.

Он замахнулся мечом, я с размаху ударил рукоятью в лицо. Хрустнуло, в брызгах крови вылетели выбитые зубы. Он отшатнулся и, выронив меч, ухватился ладонями за лицо, хрипло закашлялся, глотая остальные зубы.

За спиной слышится отчаянный женский крик. Ротильда с кинжалом в руке прижалась спиной к дубу, перед ней прыгает разъяренный Адский Пес, глаза полыхают багровым огнем, шерсть дыбом, а клыки выдвинулись и теперь уже втрое длиннее. Всадник пытался подъехать на коне и ударить сверху длинным странно голубым мечом, похожим на тонкую пластину льда из горного озера, но страшный с виду конь хрипит и пятится от ужасного пса.

Я заорал:

– Деритесь!.. А ты, тварь, повернись...

Бобик, услышав мой голос, быстро метнулся вперед и ухватил зубами переднюю ногу лохматого коня. Всадник замахнулся мечом, но Бобик молниеносно отпрыгнул.

Конь завизжал дико, рванулся, упал на бок, всадник выкатился, а конь, хромя, заковылял прочь.

Я не успел к всаднику, он вскочил моментально, капюшон все так же закрывает голову, даже глаза скрыты краем, он может видеть меня только от пояса и ниже...

Мой удар он отбил с такой силой, что руки онемели, я отступил, сердце затрепетало в страхе: это точно не человек.

Он проговорил таким нечеловечески скрежещущим голосом, что так могла говорить разве что пролежавшая под жгучим солнцем миллионы лет скала:

– Ты... зря...

– Ты тоже, – вскрикнул я. – Зачем тебе это? Ты же выше этой мелочи!

Он проскрежетал:

– Умри!

Его меч пошел вниз со страшной силой. Я приготовился парировать, но в последний миг отпрыгнул, ударил сам в коротком замахе. Он успел уклониться, лезвие сорвало капюшон, я похолодел, увидел смертельно-синее лицо с красной щелью рта и красными глазами. У него лицо человека, но это зверь; я отпрыгнул и лихорадочно прикидывал, что же делать, а он вдруг повернул голову к дереву, где все еще сто-

ит бледная как смерть Ротильда, протянул в ее сторону руку и произнес короткое слово, что показалось мне сгустком ярости.

В его руке появился длинный кинжал.

– Умри! – крикнул он.

Я бросился на него с поднятым мечом, однако нож вырвался из его пальцев с такой немыслимой скоростью, что я увидел только смазанную серебристую полосу, что протянулась от его пальцев до груди Ротильды.

– Сволочь! – заорал я.

Лезвие моего меча ударило по его руке в районе локтя. Мои пальцы онемели от удара, раздался хруст, рука вздрогнула, половина отделилась и рухнула на землю, я с холодом в душе рассмотрел, что она из камня.

Синелицкий повернул ко мне страшное лицо.

– Ты... осмелился...

– Еще не то увидишь, – пообещал я. – Сдавайся!

Он пошел на меня, быстро размахивая мечом, и, как я ни пытался защититься, он и с одной рукой выглядит лучшим воином, чем я с двумя. Я больше уклонялся, а он шел за мной и рубил, и рубил.

– Да чтоб ты сдох, – прошипел я и сам пошел в атаку.

Он принял два удара и вдруг парировал так, что мои руки онемели до локтей, а мой меч взвился в воздух и, пролетев ярдов пять, упал далеко в стороне.

Я застыл, часто дыша и не зная, что делать, а он хрипло

расхохотался:

– Я сражался две тысячи лет!.. Кто может быть лучше...

Я прыгнул вперед и, ухватившись изо всех сил за руку с мечом, другой ударил ему в зубы. Голова лишь чуть дернулась; ударил снова и снова, заныли разбитые в кровь пальцы, а он искривил губы в насмешливой ухмылке:

– И это все?

– Нет, – ответил я.

Он не успел среагировать, а я прыгнул, дернул его на себя, поднялся с трудом, словно поднимая каменного слона, с силой бросил оземь. Земля вздрогнула и загудела.

Сердце мое застучало в отчаянии, он не рассыпался, а поднялся достаточно легко, жестокое синее лицо искривилось в жуткой гримасе.

– Не ожидал?

– Это хорошо, – сказал я, – я ж целых три часа не дрался! Как жить?

Он ответил скрипящим голосом:

– Тебе жить... не придется.

Обрубок руки начал медленно удлиняться, я так ошалел, что упустил момент, когда этот синелицкий смотрит очень сосредоточенно на руку, отращивая ее, а когда опомнился и бросился к нему, он уже сцепил отросшие пальцы в кулак и метнул мне в лицо.

Я уклонился, сам ударил и снова разбил пальцы в кровь. Боль стегает по телу, словно вгоняет острые иглы, а его удар

сбил меня с ног с такой силой, что я не просто перекувырнулся, а сперва пролетел по воздуху как тряпичная кукла.

Он захохотал, глядя, как я недвижимо распростерся на земле, уже не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой, повернулся к дереву.

Я с трудом сфокусировал зрение, Ротильда все так же прижимается спиной к дереву, перед ней сидит Бобик, а на земле кинжал, что швырнул этот синелицкий монстр.

Сердце мое наполнилось благодарностью. Молодец, Бобик, ты у меня такой, и молнию схватишь зубами...

Монстр пошел к ним, походка тяжелая и неторопливая, в трех шагах от Бобика остановился.

– Собака Тантала? – донесся до меня его хрипло-скрипучий голос, я впервые уловил в нем изумление. – Но что ты в таком презренном мире... Хорошо, я убью эту женщину и заберу тебя с собой...

Бобик оскалил зубы, они стали еще длиннее – саблезубый тигр показался бы домашней кошечкой, а из глаз пошел багровый свет и озарил впереди землю.

Синелицкий вытянул руку в сторону Ротильды, в ладони опять возникло тонкое блестящее лезвие ножа.

– А вот этот нож ты не поймаешь, – сказал он Бобику.

– Это и не нужно, – ответил я за его спиной.

Руки болезненно трянуло снова, однако стальной клинок срубил голову точно и красиво. Она откатилась в сторону, а сдвинутое ударом тело тупо выпустило клинок в цель.

Мы не успели увидеть, как он исчез из руки монстра, в тот же миг рукоять задрожала в стволе дерева. Тело покачнулось, пыталось сделать шаг, однако ноги запутались, оно грохнулось перед Бобиком.

Он зарычал снова, я сказал строго:

– Фу!.. Эту гадость есть нельзя.

Ротильда всхлипнула.

– Как ужасно...

– Что? – удивился я. – Это же обычные мужские игры!.. Я мог бы сразу, но это неинтересно. Да и вам хотели показать хоть что-то забавное... Вам весело, правда?

Голова щелкала зубами и пыталась говорить, но для этого нужны легкие, я погнал ее пинками к костру, чувствуя, что качу тяжеленный валун. Она пыталась ухватить сапог зубами, но я в последнем усилии, отбив на ноге пальцы, запихнул в самую середину раскаленных углей.

Ротильда проговорила в ужасе:

– Что вы за люди?.. Как вам нравится драться!

– Так за самку же, – объяснил я. – Не за какую-то там корону!

– Кто это был?

– Узнаем, – пообещал я. – Леди Ротильда, вы там пирожные не догрызли...

Она вскрикнула:

– Что? Какие пирожные?

– Сдобные, – ответил я в недоумении. – И заварные с тру-

бочками. С кремом то есть. Очень даже – рекомендую.

Она сказала, чуть не плача:

– Я не знаю, что это за чудище!

– Я тоже, – ответил я, – но аппетит такое не должно портить. Может быть, оно только для того и появилось!

Она смотрела на меня с тем же ужасом, что и на отрубленную голову: та все еще жутко гримасничает на раскаленных углях, уже начинает обретать багровый цвет, как сами угли; я подумал и подбросил еще несколько толстых сухих веток.

Шерсть на Бобике уже опустилась, клыки втянулись в пасть, а глаза стали коричневыми. Он сбегал к обезглавленному телу, обнюхал. Мне показалось, что руки сделали попытку схватить пса, но лишь дернулись пару раз и застыли после предсмертных судорог.

Глава 9

Я подобрал с земли нож, очень необычная форма, а потом вернулся к месту схватки и поднял меч, удивительно прозрачный, словно смотрю сквозь драгоценное голубое стекло.

Не слишком легкий, не слишком тяжелый, как раз по руке. Я оглядел свой меч, на нем такие глубокие зарубины, что еще чуть, и его перерубили бы, как будто он из слабого дерева вроде сосны.

– Пожалуй, – сказал я, – возьму как трофей. Я вообще люблю собирать такие штуки... Что-то есть во мне от сороки-воровки.

Леди Ротильда все еще вздрагивает, бледная и с огромными испуганными глазами.

Я посмотрел на нее внимательно.

– Вам нечего добавить? А то я не понимаю: ваши противники захватили столицу, на троне уже кто-то сидит, утверждается... Зачем гоняться за вами, расходовать такие ресурсы? Я бы точно не стал.

Она прошипела зло:

– Ну спасибо...

– Ну пожалуйста, – ответил я. – Так почему?

Она посмотрела с удивлением и брезгливой жалостью.

– Вы в самом деле какой-то... Захватив власть, можно стать только королем, но не хозяином моих земель!.. Потому

и стараются поймать, чтобы насильно выдать замуж... и тем самым прибрать к рукам мои личные огромные владения!

Я подумал, кивнул, сказал досадливо:

– Виноват, это я сам не врубился. Видно, по голове тот гад меня все-таки шарахнул... Да-да, теперь понял... Просто я жил в тех королевствах, где короли не беднее феодалов. Значит, эти ради ваших земель пытаются перехватить и побыстрому жениться на вас? А вашего мнения спрашивать не будут?

Она вздохнула.

– Есть много способов принудить женщину...

Я чувствовал, как она вздрогнула и насторожилась. Я прислушался, но везде тихо, потом сообразил, что боится меня, раз уж сама проговорилась, усмехнулся, пошел посмотреть на раненого, однако он за это время истек кровью, а второй ушел в лес, хотя за ним такой кровавый след, что сбежится все местное зверье.

Леди Ротильда все еще смотрит на меня настороженно, как же, подсказала мне, тупому, такую невероятно новую идею, ну да, теперь будет трястись, пока видит такого спасителя.

Я свистнул Зайчику, послышался топот, он примчался, веселый и бодрый, но насторожил уши и начал принюхиваться ко мне, потом к Бобику.

– Едем? – спросил я рыжеволоску. – Или останетесь?

– Ну, я не знаю...

Я прервал:

– Леди, вы исключительно красивая женщина! Даже очень. Но абсолютно не в моем вкусе.

– Что-о?

– Не люблю рыжих, – объяснил я с подчеркнутой чистосердечностью. – Они все ведьмы. Так что с моей стороны вам ничего не грозит. Ведьмы почему-то красивые, вы не знали?.. Или безобразные, середины ну вот нет как нет. Во всяком случае, я не видел, а уж ведьм почему-то насмотрелся и нагладелся. А ваше богатство и земли я не взял бы, даже если бы мне еще и доплатили.

Она чуточку успокоилась, но сказала с некоторым возмущением:

– К счастью, вы простой рыцарь.

– И что? – спросил я задето.

– Такой брак, – объяснила она, – все равно признали бы недействительным.

– Вот видите, – сказал я с облегчением, – как мне повезло!

Она покосилась недовольно.

– Да? Вас в самом деле мое состояние не прельщает? Не врете, очень даже любезный сэр.

– А чем прельщаться?

– Мои родовые, – отрезала она, – и неотчуждаемые владения впятеро превосходят земли короля!

– Эх, Ваше Величество, – сказал я. – Как говорил один мудрец, мой ишак: хочу еду, хочу е... иду. Разве свобода сто-

ит королевства? Ну с какой стати я стал бы обременять себя землями, замками, поместьями, деревнями, городами?

– Как это, с какой?

Я пояснил:

– Нужно обо всех думать, заботиться, а эти наглые твари, что для них ни сделай, все равно поливают экскрементами... ну, это говном, по-вашему, и ни на какой козе к ним не подъедешь... Нет уж, свобода странствующего рыцаря – превыше всего!

Она смотрела на меня несколько странно.

– Вы были в услужении знатного сеньора, – сказала она уверенно, – и слышали его жалобы! Только вы зря приняли их всерьез.

– Почему?

– А почему он не бросил свои земли, – спросила она, – и не пошел, вот как вы, странствовать?

– Ну-ну!

– Ведь не бросил же?... Не бросил, знаю. Между красивыми стремлениями и реализацией – дистанция...

– ...огромного размера, – договорил я задумчиво. – Может быть, вы и правы, леди... тьфу, Ваше Величество.

Она поморщилась.

– Плеваться неприлично.

– Дык я ж не во дворце, – объяснил я чистосердечно, – и никогда в нем не буду. У меня дворцефобия, я натуралист и нигилист, природу люблю. Надо ее спешить любить, пока

еще можно, а то постареет, станет такой неопрятной, даже не представляете... Ладно, я бы не хотел слишком задерживаться в этом лесу, что-то он не совсем нравится...

Она так вздрагивала, что не попадала ногой в стремя, я помог ей взобраться, а затем вскочил в седло, не касаясь стремени. Раны уже затянулись, а повыпендриваться перед женщиной святое дело.

Дальше мы двигались галопом через обширное поле, вклинившееся в лес и разбившее его надвое, хотя там, ближе к горизонту, лес все-таки сходится, как края заживающей раны.

Бобик насторожился, начал смотреть влево, быстро зыркнул на меня, я видел, как глаза быстро налились красным огнем.

– Зайчик, – сказал я, – стой!..

Мои пальцы коснулись рукояти меча, однако дальняя стена леса распахнулась, словно трава. Оттуда выметнулись два громадных чудовища, похожие на псов, но размером оба с быков.

Двигаются оба с огромной скоростью, я с холодком успел подумать, что как же повезло, что на этот раз застали нас не в лесу.

Я торопливо накинул тетиву и, наложив стрелу, поспешно прицелился в ближайшего, что обогнал другого на полкорпуса.

Стрела с щелчком исчезла, я ухватил вторую и выпустил

в другого зверя, потом начал хватать и стрелять, стрелять, стараясь не слышать истошный визг Ротильды.

Оба чудовища продолжали нестись на меня, но с ними происходило нечто странное: стрелы выпали на землю, одно начало прихрамывать и отстало, но первое на огромной скорости налетело на меня, я ощутил смрад, в глазах на короткое время потемнело.

Когда оглянулся, чудовище рассыпалось, как если бы грязный туман превратился в песок, а тот взвился дымом и пропал.

Другое чудовище рассыпалось, не добежав. Я подобрал стрелы, пусть Ротильда не догадывается, что у меня за лук.

Она провизжала:

– Это же Черные Гразды!

– Ух ты, – сказал я. – Надо же!.. А что это за Гразды?

– Псы Войны! – прокричала она, дрожа всем телом. – Их могут вызвать только очень сильные колдуны!.. И копить мощь на такое черное дело нужно годами!

– Значит, того стоило, – сказал я и, посмотрев на нее, уточнил, – с точки зрения этих идиотов.

Она стояла бледная и с прижатыми к груди руками.

– Значит, – прошептали ее губы, – они сумели привлечь на свою сторону самого Керенгеля. Это самый могучий маг... Нам не уйти.

– А вот и неправда, – ответил я жизнерадостно. – Я от бабушки ушел...

Вдали послышался грозный гул. В том же месте, откуда выскочили эти два пса-нежити, напролом выметнулись всадники в дорогах доспехах, с пышными султанами и на покрытых богатыми попонами конях.

Я насчитал двенадцать человек, все выглядят очень даже серьезными и озабоченными. Завидев нас, они начали сдерживать коней – хороший знак, прямую атаку двенадцати рыцарей мы вряд ли выдержим.

– Бобик, – сказал я, – охраняй вот ее. Разрешаю убивать.

Бобик замахал хвостом, кровавый огонь в глазах разгорелся так, что зловещий отсвет пал и на морду.

Всадники с галопа перешли на рысь, а с нее на шаг, приблизились на такое расстояние, чтобы успеть закрыться щитами, если попробую ссаживать с помощью стрельбы.

Передний прокричал:

– Кто бы ты ни был, мы приветствуем тебя, сумевшего остановить наших Псов Ночи!.. Я – сэр Агинарк, глава королевской охраны. А это мои люди.

– Ричард, – назвал я, – странствующий рыцарь, который ищет смысл жизни и свое место в ней.

Агинарк крикнул:

– У тебя должно быть могучее средство от нежити?

– Есть, – скромно сказал я. – Я сам это средство.

Он коротко хохотнул.

– Хорошо сказано. А теперь о деле. Мы преследуем эту женщину, она выкрала нечто важное из королевского двор-

ца. Она принадлежит нам.

Я перевел взгляд на леди Ротильду.

– Так вот в чем дело? – протянул я озадаченно. – А я смотрю, в той картине, что вы нарисовали, многое не сходится...

Она сказала отчаянным голосом:

– И что? Да, я соврала. Но эта вещь принадлежит мне!

Всадник возразил спокойно:

– Эта вещь принадлежала королю Гергенту Великому.

– Это был муж! – воскликнула она. – Теперь принадлежит мне!

Всадник покачал головой:

– Нет.

– Это достояние королевской семьи!

Он отрубил тверже:

– Это достояние королевства.

– Я – королева!

– Уже нет, – ответил всадник и обратил взгляд на меня. – Кто бы вы ни были, отважный герой, но правда и право на нашей стороне. К тому же нас двенадцать, с оружием обращаться умеем. За лук вы схватиться, конечно, успеете, но больше двух выстрелов сделать не дадим, как вы понимаете. Все мы тверды в желании вернуть сокровище в королевскую казну. Даже если убьете кого-то из нас, да хоть половину, остальные зарубят вас...

Я сказал медленно:

– Последний довод особенно... убедителен. Хорошо, пе-

редаю эту весьма обременительную ношу вам. Бобик, ко мне! У нас своих дел невпроворот.

Конечно, мне бы в самом деле ехать, дел невпроворот, но я политик только на словах да в громаде планов, а на самом деле весь из себя оскорбленная на глазах женщины ранимая сущность, прям поэт трепетный и легкокрылый...

Проскакал милоу на случай, если за мной следят каким-то образом, затем вернулся по их следу, понял, в каком направлении движутся, что не такая уж и задача, послал Зайчика по взгорью и вскоре увидел весь их отряд внизу в долине.

Так и есть, руки Ротильды свободны, однако длинный повод ее коня привязан к седлу едущего впереди всадника. Более того, ее ноги, как я заметил с изумлением, связаны прочной веревкой друг с другом под конским брюхом. Едет она гордо, ни на кого не смотрит, да с нею и не заговаривают, их дело привезти ее обратно и получить награду.

– Не спеши, – шепнул я Бобику. – Ищи место для засады...

К моему удивлению, он посмотрел серьезно и помчался вперед по гребню. Зайчик понял и ринулся за ним.

Этот псяка в самом деле отыскал удобное местечко: долина сужается, много свалившихся камней затрудняет дорогу, а в мою сторону есть узкая тропка между отвесными скалами.

Я спешил, огляделся. Зайчик сразу отошел на задний

план, выбил копытом что-то вкусное из валуна и начал с хрустом грызть.

Я потрепал Бобика по лобастой башке.

– Да ты умница, – сказал я потрясенно, – я не знал, что такой хитрый... Может быть, ты и кофе делать умеешь?

Он хитро улыбнулся, лизнул мне руку и лег на камни. Я приготовил лук, а вдали уже послышался приближающийся стук копыт.

Они едут в том же порядке: впереди рослый воин с красивым жестоким лицом, в кольчуге, с плеч ниспадает красный плащ, что накрывает идущую от седла веревку, за ним движется конь с Ротильдой, а следом остальные одиннадцать воинов.

Если раньше ехали компактной группой и весело переговаривались, то теперь им пришлось вытянуться по одному, я прицелился в переднего и ждал, когда тот приблизится к рассчитанному месту.

Он словно ощутил опасность, начал быстро зыркать по сторонам, затем взял привязанный к седлу шлем и напялил на голову, даже забрало опустил.

Я вздохнул, быстро натянул тетиву, поймал цель и спустил стрелу. Воин, как мне показалось, успел ее заметить в последний миг, но отшатнуться не сумел, она ударила его сбоку в шею и вышла с другой стороны.

Он захрипел и начал клониться на конскую гриву.

Я поднялся и прокричал во весь голос:

– Ротильда!.. Ко мне!

Бобик заворчал и посмотрел на меня с упреком.

– Не ревнуй, – сказал я. – Женщина! Мы скоро от нее избавимся.

Ротильда пустила коня вперед, поравнялась с ведущим. Я успел увидеть, как она дотянулась до его пояса и выхватила оттуда нож, дальше я за нею не следил, стрелы идут веером в безумцев, что стараются атаковать, перепрыгивая через упавших людей и коней.

Ротильда наконец перепилила конский повод и повернула коня в сторону этой узой расщелины.

– Молодец, – прошептал я с облегчением, – догадалась... Бобик, не ворчи, ты все равно умнее.

Глава 10

За Ротильдой погнались несколько человек, к ней уже протянулись руки, но одному стрела угодила в голову, другому в грудь, третий влетел за женщиной в щель, он тот мне и нужен: стрела попала ему в шею, он начал падать, потянул повод, и они с конем грохнулись оземь, загородив узкую тропку.

Конь с Ротильдой вылетел из расщелины на мою сторону, глаза у обоих перепуганные, она закричала восторженно:

– Я знала, я знала!

– Теперь не отставать! – велел я.

С длинного пологого холма мчаться легко и красиво, ее конь в самом деле не отставал в простом галопе, и мы ушли довольно далеко, прежде чем она перестала оборачиваться.

– Сэр Ричард, – произнесла она с сомнением, – вы настолько хороши с луком, что я усомнилась в вашем благородном происхождении. Но все равно я вам весьма признательна. Обещаю, вас вознаградят по достоинству.

– Спасибо... но лучше не надо.

– Почему?

– Меня пугает это... по достоинству.

– Простите, чем пугает?

– Всем, – ответил я откровенно. – Я сам еще не знаю всех своих достоинств. То ли вам надо будет приготовить мне гору

из золота и горный хребет из бриллиантов, то ли меня нужно утопить в болоте...

Она усмехнулась, приняв за шутку, хотя я говорю с самым серьезным лицом, затем скомандовала:

– А теперь снимите веревку с моих ног.

Я сказал с сомнением:

– Может, пусть? Зато не свалитесь.

– Я прекрасно держусь в седле, – возразила она сердито.

– А если напьетесь?

Она поморщилась.

– Глупые мужские шуточки. Леди, кстати, тоже могут искать уединения.

– А, – сказал я понимающе, – растрясло... Минутку!

Веревку я быстро перехватил ножом, остатки хотел бросить за кусты, да не будет подсказки, а потом передумал и разложил прямо на дороге.

Она посмотрела, подозрительно нахмурилась.

– Зачем?

– Следы они и так видят, – объяснил я, – а когда заметят веревку, явно положенную нарочито, чтобы заставить идти именно этой дорогой, сразу заподозрят засаду или ловушку... И будут продвигаться как осторожные улитки.

Она фыркнула, но ничего не сказала, а торопливо исчезла за ближайшими кустами.

Бобик хотел пойти за нею, но покрутил носом и посмотрел на меня с вопросом в больших мудрых глазах ребенка.

– Если хочешь, – сказал я, – можешь пойти. Поможешь процессу.

Он подумал, снова понюхал воздух и даже чуточку попятился. Ротильда вышла из-за кустов достаточно быстро, сама поднялась в седло, хотя я соскочил и готовился помочь.

– За мной, – сообщила она деловито, – пустили самого начальника дворцовой стражи.

Я буркнул:

– Я запоминаю с первого раза.

– Правда? – спросила она язвительно. – А я думала, что вы воин.

– И что, если начальник стражи?

– В его руках, – объяснила она, – лучшие воины, лучшие кони... Они сумеют и догнать, и даже перекрыть все дороги впереди.

Я пустил Зайчика в ровный галоп, Ротильда умело заставила своего коня держаться рядом, на меня почти не смотрит, лицо отрешенно-угнетенное.

– Так уж и все? – спросил я.

Она вздохнула.

– У них мощные амулеты и даже талисманы. Керенгель мог настроить их на меня еще там, в моем дворце.

– Тогда должны бежать по следу, – возразил я. – А не забегать вперед и раскидывать сети!

– Впереди Зачарованный Лес Ночи, – произнесла она, я ощутил ужас в ее словах. – Мы можем обогнуть его только

справа или слева! Там хорошие дороги, а других нет, дальше скалы и пропасти... Им нужно всего лишь устроить засады на этих дорогах. А людей у них столько, что и десяток могли бы перекрыть...

Я подумал, поинтересовался:

– А что за Лес Ночи? Как я понимаю, это все-таки лес, а не бездонное болото, мертвое озеро или огненная пропасть...

Она зябко передернула плечами.

– Там живут чудовища!.. Никто оттуда еще не вышел живым.

– А мертвыми выходили?

Она дико посмотрела на меня.

– Как это... мертвыми?

– Тогда еще не все потеряно, – утешил я. – Мы сократим путь. Через этот Ночной Лес.

– Сэр Ричард, вы с ума сошли?

– Так ведь с вами, – галантно ответил я. – Разве это не естественно?

Она раздраженно поморщилась странному комплименту, который можно понимать по-разному, но смолчала.

А впереди в самом деле вырастает стена огромных деревьев, могучих и величавых. Дорога, благоразумно не приближаясь даже к опушке, раздвоилась, как змеиный язык, одна часть пошла обходить слева, другая – справа.

Хотя у меня при себе нет карты, но эта часть турнедских земель входит то ли в мою долю добычи при разделе, то ли в

ту, что отходит Барбароссе. В любом случае моя, Барбаросса не может перевести ее к себе, а значит – это продолжение Армландии...

Да и вообще пора смотреть на эти земли как на свои, за которые отвечаю я, и только я. И вообще все люди в королевстве мои, за исключением той части, что отходит Найтингейлу, но это намного восточнее...

Ротильда поглядывает искоса с недоверием, все еще не верит, надо быть либо дураком, либо сумасшедшим, чтоб вот так взять и попереться через зловещий лес, откуда никто не выходил живым.

– Бобик, – сказал я, – далеко не уходи, моя ласковая собачка, моя лапушка, мой замечательный птенчик!

Она зябко передернула плечами.

– Ну да, птенчик.

– Гусей же ловит? – возразил я. – Значит, летает. Только вам не показывает.

К моему удивлению, она все-таки приняла достаточно спокойно, что я направил коня прямо на стену деревьев.

– Вы храбрая женщина, – похвалил я. – Хоть и королева.

Она наморщила нос.

– Просто привыкла доверять мужчинам. Не во всем, конечно, это было бы совсем дико – я не решусь поручить им пересчитать пальцы на одной руке, все равно ошибутся, но вот насчет подраться... у вас частенько получается.

– Спасибо, – сказал я с чувством. – За доверие.

— Не за что, — ответила она безмятежно. — Вы уже показали себя хоть и недостаточно умным, но это мужчине и не надо, зато сильным и драчливым.

Деревья толстые и стоят тесно, ветви начинают расти там, где могут ухватить хоть немножко солнца. Мне показалось, что въезжаем в некий храм, где свод поддерживают эти величественные колонны, исполинские и прямые, крон даже не видно в сияющей вышине, откуда глаза слепит солнце.

Зайчик идет между могучими деревьями бодро, Бобик вообще метнулся вглубь, издали донесся жалобный писк убегающего в ужас зверька, а я ломал голову, пытаюсь вспомнить, не тот ли это лес, куда я убедил переселиться троллей.

Нет, тот вроде бы должен быть ближе к Армландии. Я убедил их покинуть чахлый лес на границе с Шателленом, Армландией и Турнедо и передвинуться примерно на сотню миль в глубину турнедских земель. Теперь там либо армландские, то есть мои, либо барбаросы, тоже не как бы, а фактически мои, хотя по договору и не мои.

Ну что кривиться, я ж не провидец, чтоб догадываться о будущем этих земель. Тогда я барахтался, только бы выжить, для этого и подгадил Гиллеберду с этими троллями, обезопасив заодно армландские рубежи и дороги. Но поговорка насчет неплевания в колодец не устаревает и в те времена, когда колодцев уже и не будет...

Ротильда должна ехать сзади, но там ей еще страшнее, то и дело пускает коня рядом. Ее взгляд чаще обращается ко мне,

чем на страшные деревья впереди, за которыми пугающая неизвестность.

Кони наши идут ноздря в ноздрю, Зайчик смотрит вперед, по сторонам ничего интересного, вид у него такой, что уже навидался всяких нестандартных мест по самое не могу.

Стук копыт стал звонче, ощущение такое, что подковы бьют в камень. Вообще-то кони идут по ровному ковру из опавших листьев, багряных, пурпурных и красных с примесью оранжевых и желтых, – очень красиво, но под ними явно каменные плиты...

Дальше вообще начали попадаться выступающие из земли руины. Некоторые настолько покрыты толстым слоем мха, что неотличимы от пней, есть даже в мой рост, и тоже коричнево-зеленые. Семена травы кое-где сумели пролезть в щели и выпустили оттуда длинные стебли.

– Здесь зачарованный город, – проговорила она дрожащим голосом. – Они скрыты, но все видят...

– А чего им скрываться?

– Не знаю, – ответила она, – но если город зачарован, то они должны...

– Да, – согласился я, чтобы ее поддразнить, – как руины, так и зачарованные. А еще в них спрятаны несметные клады...

Она оживилась, быстро посмотрела по сторонам.

– Где?

– Настоящая женщина, – сказал я поощрительно, – жад-

ная, цепкая, хваткая...

Она с достоинством выпрямилась в седле, красивая и гордая, одинокий лучик солнца проник сквозь зеленые кроны и воспламенил жарким пурпурным огнем роскошную копну волос.

– Мне клад не нужен, – отрезала она гордо, – я достаточно богата и весьма щедра... бываю! Но среди древних вещей попадаются очень красивые серьги, ожерелья, подвески...

– Настоящая женщина, – повторил я, – красивые побрякушки вырвет из лап самого дьявола.

– Сэр Ричард!.. Или вы не сэр?

– Это когда как, – ответил я.

Она вскинула брови и оглядела меня внимательно.

– Это как?

– А когда как мне удобнее, – ответил я нагло. – Демократ, одним словом. Политкорректный демократ.

Руины заброшенного города проступают все четче, чем дальше продвигаемся в этот зачарованный лес. Мне казалось, что такое встречалось разве что в тропиках Индии, да еще в джунглях, где находят пирамиды майя, хотя вообще-то после великого отступления Рима с его европейских земель лесом заросли не только знаменитые римские дороги, но и брошенные имперскими гарнизонами небольшие города...

Этот город, конечно, не римское наследие, хотя копыта арбогастра гулко бьют в покрытый опавшими листьями камень точно так же, как если бы и был римским, а я осмат-

ривался с беспечным для Ротильды видом, но настороженный настолько, что если мне сзади над ухом сказать «Гав!», я даже не знаю, удержу ли перепуганный мочевой пузырь от адекватной реакции. Да и сфинктер...

Чутьочку в сторонке от прямой линии, которой держусь, нечто странное горит золотым огнем, словно гигантская свеча. Я присмотрелся: все-таки не свеча, пусть даже огромная, больше похоже на крест...

Дорога наша идет мимо, я незаметно скорректировал галоп Зайчика, огненный крест начал приближаться. Высотой в два моих роста, массивный, солидный, создан не то из идеально ровного камня, не то из металла, но полыхает жарко только верхняя часть, а скупно раздвинутые в стороны крылья выглядят вообще холодными.

Пламя почти прозрачное, кажется безобидным, но земля покрыта мелкими птичьими костями тех дур, что посмели пролететь над ним. Это не считая тех упавших, кого зверьки затащили в норы.

Она сказала задумчиво:

– Интересно, зачем установлен...

– Догадываюсь, – ответил я. – Вы не рискнете подойти, Ваше Величество?

Она удивилась:

– Я? Конечно, не побоюсь. А вот вам опасно...

– В самом деле?

– Я уверена, – отрезала она.

Ее конь страшился подойти ближе, фыркал и упрямился, ветерок иногда меняет направление, и в нашу сторону дует достаточно жарким воздухом.

Я соскочил на землю, протянул к ней руки, но она достаточно ловко опустилась на землю, не забыв напомнить:

– Я часто сопровождала супруга на охоту!

Мы подошли к кресту, воздух в самом деле жаркий, я осторожно коснулся кончиками пальцев середины, где чистое от рун место, а так ими исчерчены все три конца креста. Возможно, и четвертый, но он глубоко в твердой, как камень, и выжженной земле.

Поверхность, как ни странно, холодная, даже ледяная. Я вздрогнул от неожиданности, отдернул руку.

Ротильда тут же отодвинулась от меня, во взгляде появилось острое подозрение.

– Не подходи ко мне, – предупредила она. – У меня есть нож!

Ее рука в самом деле выудила из складок платья короткий нож с тонким лезвием.

Я сказал раздраженно:

– Не прикидывайся, вампирша.

Она ахнула:

– Я?

– Ты, – сказал я обвиняюще, – а самой слабо коснуться?

– Это ты, – сказала она, – нежить или нечисть. Никто из людей не смог бы победить столько вооруженных воинов.

Так что не надо прикидываться!

– Ты не коснулась креста, – напомнил я.

Она с гордым видом потянула руку, уперлась было в камень всей ладонью, мол, на тебе, но тут же с воплем отдернула.

– Ага, – сказал я злорадно, – даже не вампириша, а что-то похуже.

Она окрысилась:

– Что может быть хуже?

– Ну, – протянул я задумчиво, – к примеру... королева Мезины. Вы в самом деле королева, Ваше Величество?

Она нахмурилась, оглядела меня с головы до ног подозрительно.

– Ладно, – произнесла наконец с колебанием в голосе, – поедем дальше.

– Что? – спросил я в изумлении. – Вы забыли, Ваше Величество, это я решаю, ехать или не ехать.

Она топнула ногой:

– Так решайте, доблестный и отважный сэра, побыстрее! Ну?

Я оглядел ее с головы до ног. Среднего роста, рыжеволосая с широко расставленными глазами, она выглядит полной жизненной силы, что делает бесстрашными даже слабых женщин.

– Хорошо, Ваше Величество, – сказал я с иронией. – Будем считать, что мы проверили друг друга на предмет нежи-

ти.

– И нечисти, – добавила она.

– Жаль, сказал я, – самое главное проверить не удастся.

Она некоторое время молчала, прикидывая, что же самое главное, наконец спросила недовольно:

– А что это?

– Где вы мне врете, – объяснил и я добавил ехидно, – Ваше Величество.

Глава 11

Она фыркнула так, что арбогастр обернулся и посмотрел вопросительно. Я похлопал его по холке, мол, не обращай внимания, женщины все... умные, Бобик посмотрел на всех нас, весело взбрыкнул и понесся в лес.

– Можете не беспокоиться, – сказала она снисходительно, я вру только в случаях необходимости.

– Редкая женщина, – сказал я с глубоким уважением.

– Редкая, – согласилась она. – Очень даже. И не ваша. Завидно?

– Еще как, – сообщил я. – Этот герцог Эдмунд даже не подозревает, какое счастье его ждет. Нет, он, конечно, подозревает, но не знает, насколько это счастье... весомое счастье.

Она милостиво наклонила голову.

– Вот-вот, вы немножко начинаете понимать, сэр Ричард. Но не грызите локти, не всем же так везет!

Я тяжело вздохнул:

– Ох, не всем.

Кони наши снова ноздря в ноздрю прошли мимо, но дорогу загородила исполинская паутина между деревьями, каждая нить толщиной с палец, и, хотя не видно капелек с клеем, я свернул в сторону, а там прямо перед нами величественный трон из белого камня, странно чистый, хотя вокруг полно листьев.

На спине надпись в пять рядов мелкими буквами, что показались странно знакомыми.

Я спрыгнул на землю, Ротильда сразу заерзала, крикнула:

– Нам не стоит здесь останавливаться!

– Не стоит, – согласился я.

– Так чего?

– А так...

Буквы, как ни всматривался, всего лишь знакомы, странное ощущение, что мог бы понять их смысл, если бы подольше ломал голову, но у меня вся жизнь бежит мимо, меня несет, как муравья на щепке, а мимо мелькают упущенные возможности...

Разозлившись на себя, я сел на трон и развалился в нарочито наглой позе, карикатурно королевской, но потрясенно ощутил, что такая форма кресла родилась в результате труда талантливых дизайнеров и специалистов по эргономике, как бы они здесь ни назывались.

Ротильда смотрела со страхом в глазах, наконец проговорила дрожащим голосом:

– ...И... что?

– А ничего, – ответил я хладнокровно.

– Что, – спросила она с недоверием, – ничего не чувствуете?

– А что, должен?

Она зябко повела плечами.

– Я слышала... всякое...

– Про такие заброшенные места?

– И места... и троны... Если сядет не тот человек, его убьет молния...

Я поинтересовался:

– А если тот?

Она вздрогнула.

– Вы в самом деле ничего не чувствуете? А вдруг вы и есть Избранный?

Я резко поднялся.

– Все, хватит. А то стошнит. Поехали.

Зайчик принял меня в седло и сразу попер уверенно и деловито, сам скорректировав курс на прежний.

Мы проехали мимо обломков, где на руинах словно бы присело перевести дух жуткое существо, которое я назвал бы химерой, нечто среднее между одноголовым Цербером и тупорылым крокодилом, уши торчком, из полураскрытой пасти торчат клыки.

Мне почудилось, что каменный зверь провожает меня взглядом, я погрозил ему пальцем и со значением похлопал по рукояти меча.

Ротильда дико оглянулась.

– Вы с ним общаетесь?

– Еще бы, – ответил я. – Он такой же каменный. И красивый, как и я.

Она фыркнула и надменно отвернулась, задрав нос с двумя розовыми дырочками. Я еще раз оглянулся: беспокоит

то, что сооружение, каким бы оно ни было, полностью разрушено, а существо, что явно сидело на крыше, теперь на этих камнях. Как будто слетело, когда все ломали, и теперь дремлет здесь...

Конь моей спутницы начал прихрамывать, сперва чуть-чуть, потом припадать на переднюю ногу так, что Ротильда всякий раз тыкалась в его шею носом.

– Привал, – велел я. – Надо посмотреть, что у него с копытом.

Ротильда вскинула:

– Здесь? В зачарованном Лесу Ночи?

– Правда, – сказал я, – милое место? Никто сюда за нами не погонится... Можно поспать спокойно.

Она сказала, ощетинившись:

– Я с вами спать не буду!

– Да ладно, Ваше Величество, – ответил я, – я на такую честь не рассчитываю. Да и спать не стоит, я вообще-то спешу тоже. По своим делам.

Она фыркнула:

– Какие у вас могут быть дела?

– А вот могут, – ответил я. – Хотя спешу не к герцогу. И даже не к герцогине.

Я соскочил, протянул ей руку, она нехотя приняла и спустилась на землю, наполовину побывав в моих объятиях и мельком прикоснувшись ко мне грудью – женская месть за недостаточное внимание, но я сделал вид, что не заметил, и

тем самым испортил триумф.

В копыто впился острый сучок, я осторожно выдернул его, подержал ногу в ладонях, заживляя ранку, конь тихонько ржанул и посмотрел на меня благодарными глазами.

Бобик за это время задавил нечто среднее между крупным поросенком и олененком, принес и смотрел с надеждой.

– Спасибо, – похвалил я. – Намекаешь, что хорошо бы поджарить?

Ротильда сказала резко:

– Я не проголодалась!

– А вот мой щеночек, – сказал я ласково, – уже кушать хочет. Утю-тю-тю, моя лапочка!.. Так что перекусим и поедем. Заодно и ваша конячка переведет дух... Бобик, давай это самое сюда. Сейчас королева Мезины разделает эту вещь, а мы с тобой пожрем.

Ротильда надменно вздернула голову:

– Я?.. Буду кормить двух... двух...

Я сказал с соболезнаванием:

– Недостает слов? Что значит благородное воспитание! Вечно вас ограничивают в выражении чувств.

Она отвернулась и, взяв копыто своего коня в обе ладони, рассматривала место ранки, а я за ее спиной бросил искру в кучу мелких сучьев, набросал сверху веток покрупнее, и, когда королева повернулась к нам, я уже быстро сдирал шкуру и разделявал, после чего насадил мясо на очищенные от коры прутья и приготовился ждать появления углей.

Она огляделась, но место в самом деле удачное, такие всегда выбирают путешественники: раскидистый дуб, что укроет кроной как от солнца, так и от грозы, крохотный ручеек из-под корней, достаточный простор, чтобы не бояться, что там шуршит за ближайшими деревьями, — они отступили на приличное расстояние.

— Запасы в мешке кончились? — спросила она язвительно. — Не рассчитали на долгую дорогу?

— Ничуть не кончились, — возразил я.

— Тогда зачем...

Я кивнул на Бобика, он лег у костра и неотрывно смотрит на поджаривающееся мясо жадными глазами.

— Ему.

Она охнула:

— Что? Вы совсем разбалуете собаку!

— А кого еще баловать? — возразил я. — Не женщин же... Это у нас в крови — баловать и потакать. Потому нам на голову садятся всякие... пусть уж лучше собачка, чем женщина. Собачка в самом деле любит — верно и преданно, тоскует по хозяину, а не пляшет в его отсутствие от счастья на столе. За что и мы их любим, а не только врем, что любим...

Я говорил ровно и успокаивающе, но странное чувство постоянно напоминает, что остановились мы все-таки в достаточно опасном месте. Пусть не слишком, я не чувствую ледящего холода, но все-таки иногда шерсть вздыбливается даже на руках, а кожа покрывается пупырышками...

Деревья все такие же огромные, все до единого тянутся вверх, словно стремятся убежать от земли, а ветви выдвигают из ствола только на самых верхушках. Даже те, что вроде бы растут на просторе, даже эти вытягиваются в струнку, похожие на одуванчики на длинных тонких ножках с пушистыми головками.

Ручеек, выбравшись из-под корней дуба, бежит весело, очень довольный, наконец-то на свободе, а завидев вдали лесное озеро, ускорил бег и ринулся со всех ног – ого там сколько своих!

Я неспешно подкладывал в костер толстые сухие ветви, а когда появились угли, начал устраивать над ними ломти мяса.

Опасность, даже не сама опасность, а как бы легкое предостережение исходит со стороны лесного озера, хотя с виду такое тихое, спокойное, с неподвижной водой, как бывает только в лесу, когда окружающие деревья не то что волну, не допускают даже ряби на зеркальной поверхности.

Ротильда все больше выказывает себя настоящей женщиной, хотя точнее было бы разделить на настоящую и женщину, так как женскость проявилась в стремлении получить некие преимущества за счет того, что спали под одним одеялом, а когда не получилось, то не хныкала и не обижалась, а сама забыла о такой мелочи – в самом деле королева, у государей всегда есть дела поважнее и позначительнее.

Сейчас, не заставив меня подчиниться, она сделала вид,

что так и должно быть, усердно жарит мясо, надкусывает пару раз, затем переправляет в пасть Бобику, а это чудовище помахивает ей хвостом и даже один раз благодарно лизнуло руку.

Я не удержался, да и кто из нас удерживается от бахвальства перед женщинами? Поймал момент, когда она не поворачивалась некоторое время, и снова всю скатерть уставил деликатесами так, что желудю упасть некуда.

Когда она, умывшись в ручейке, вернулась, я, уже полулежа, как римлянин на пиру, жевал тонкий ломтик деликатесного мяса.

Она охнула:

– Ну вы и жрун, сэр Ричард!.. А киваете на разбалованную собаку?

Я сказал уязвленно:

– А где восторги?

– Восторгаюсь, – ответила она, – еще как... но непонятно, куда вы это все везете?

– Везу? – переспросил я. – Это все скормлю вам, вельможная лапочка.

– Я не лапочка, – ответила она с достоинством, – а Мое Величество. А столько съесть невозможно.

– Это мы посмотрим, – сказал я.

Она присела, грациозно подвернув под себя ноги, я поглядывал искоса, чтобы не смущать; ее пальцы брали сперва осторожно всякие непонятности, но потом все ускоряли

движения, наконец они превратились вообще в блюрные, то есть почти смазанные от скорости, нижняя челюсть двигается быстро, как у мыши, я никогда бы так не сумел, а вкусоности исчезают так быстро, что я едва успел якобы вытащить из мешка вазочку с горкой шоколадного мороженого.

Себе я достал оттуда же парующую чашу с кофе, Ротильда смотрела с подозрением, но ей не предложил, а когда взялась за мороженое, охнула, отдернула пальцы.

– Что стряслось? – сказал я лениво. – В такую жару самое то...

Она сперва лизала, как кошка сметану, потом разохотилась и хватала сразу целые шарики.

– Не простудитесь, – посоветовал я. – А то горло хоть и ненасытное королевское, но вдруг да не того...

Она просипела с белой кашницей во рту:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.